

Елена
Арсеньева

В
иновница
страстей

Елена Арсеньевна Арсеньева
Виновница страстей
Серия «Русская красавица»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42316294
Виновница страстей: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-101757-6

Аннотация

Ох, что натворила Аглая, согласившись заменить подругу Наташу на бале-маскараде! Бедная дворянская девушка, из милости взятая в дом графом Игнатьевым, влюбилась в жениха его дочери Наташи! Да, гусар Лев Каменский, только один раз протанцевав со своей невестой, лицо которой было спрятано под маской, понял, что влюбился в девушку, на брак с которой согласился только по расчету. И теперь искал ее повсюду, не в силах забыть блеск глаз, голос и ту страсть, что пронзила тогда обоих. А красавица Аглая страдала от своей любви, не желая расстроить счастье подруги... До тех пор, пока девушка и гусар не встретились на войне с французскими захватчиками...

Содержание

Пролог	6
Глава первая	17
Глава вторая	29
Глава третья	41
Глава четвертая	60
Глава пятая	81
Глава шестая	100
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Елена Арсеньевна Арсеньева Виновница страстей

*Очарован я тобою,
Бог, играющий судьбою,
Бог коварный – Купидон!
Ядовитую стрелюю
Ты лишил меня покою.
Как ужасен твой закон!*

Н.М. Карамзин

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

© Арсеньева Е. А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Пролог

– ...Да ведь это девка, мой лейтенант! – долетел до Аглаи чей-то голос, и мучительная тряска, так долго терзавшая ее тело, прекратилась. – Не мальчишка, а девка! И какая красotka, вы только посмотрите!

– Не могу больше смотреть на толстые щеки русских баб! – с отвращением пробормотал другой голос – наверное, того самого лейтенанта, к которому обращался всадник.

– И напрасно! – воскликнул тот и, бесцеремонно схватив Аглаю за волосы, рывком заставил ее поднять голову. – Девка совсем не толстощекая и даже похожа на француженку.

Аглая с трудом разомкнула веки – даже такое незначительное движение причиняло боль! – и безучастно взглянула в темные глаза пехотинца в кивере с плюмажем, смотревшего на нее с отвращением.

– Красоток поищи в Провансе или Шампани, а не в Московии, – брезгливо буркнул лейтенант. – Впрочем, мне до ее рожи нет никакого дела. Меня гораздо больше интересует, почему она одета в мужские панталоны... как это по-русски?.. ах да, портки! – и сапоги. Да и ее шемиз мало напоминает шемизет¹. Где ты ее нашел, кавалер?

– На дереве, мой лейтенант! – так и закатился хохотом

---

¹ Chemise – рубашка, обычно мужская; chemisette – так чаще называют женские рубашки и блузки (франц.). – Здесь и далее примеч. автора.

всадник. – Я скакал вслед за вами, чтобы передать приказ остановиться, как вдруг с дерева мне на кивер упало что-то тяжелое. Это была сломанная ветка. Я чуть с коня не свалился и уже решил, что на ветвях засели полчища этих русских чудовищ, которых называют партизанами. Один из них печально известен своей жестокостью и неуловимостью. Его прозвали Росиньоль-бриган². – Тут веселья в голосе всадника поубавилось. – Страшное существо! Не скрою – я изрядно перепугался! Потом смотрю – на дереве кто-то болтается и ногами дрыгает. Я вскинул карабин и уже почти выпалил наугад, как вдруг чуть ли не на голову мне рухнула эта особа! Насколько я понял, она стояла на ветке, которая обломилась, а потом сломалась и та, за которую она уцепилась. От удара о землю она лишилась чувств. Я сначала решил, это мальчишка. Испугался, что на дереве еще кто-то есть, и выстрелил несколько раз из карабина и пистолетов. Но теперь на меня сыпался только древесный мусор. Тогда я спешился и решил как следует осмотреть свою находку. Вот так сюрприз! Я обнаружил смазливую мордашку и пару прелестных грудок. Впрочем, продолжить осмотр у меня не было времени: я спешил с пакетом к вице-королю, – с явным сожалением вздохнул кавалерист.

Аглая вспомнила: она очнулась от того, что чужие руки нагло шарили по ее телу, и попыталась отвесить охальнику пощечину. Тот, впрочем, увернулся, а затем бесцеремонно

---

² Rossignol-brigand – Соловей-разбойник (*франц.*).

швырнул ее поперек седла и поскакал по обочине дороги.

А Зуев? Что с ним? Не попал ли в него этот хвастливый кавалерист? Что, если он ранен?! Или уцелел и исполнил клятву, данную Аглае: бросился доставлять Сеславину сведения о том, что французская армия решительно уходит из Москвы?

Стало страшно. Да, она сама взяла с Зуева эту клятву, она знала, что он не мог поступить иначе, но как же страшно стало ей теперь!..

– О, я слышал о так называемом Росиньоль-бригане, – кивнул лейтенант.

«Росиньоль-бриган, Соловей-разбойник, да, о нем рассказывал Зуев, – вспомнила Аглая. – Кажется, его зовут Федор...»

– Говорят, это рыжебородый мужик, истинный скиф, – продолжал лейтенант, – который скачет по деревьям с арбалетом, причем пользуется этим варварским оружием с необычайной меткостью! Но сейчас перед нами не мужик с рыжей бородой, да и арбалета я тоже не вижу. Каким же ветром занесло на дерево эту девку? Вряд ли перед нами дриада, которой положено жить среди ветвей! – съехидничал он.

– Позвольте сказать, мой лейтенант, – подал голос еще кто-то, но Аглая не могла повернуть голову, чтобы взглянуть на этого человека: шеволежор³ по-прежнему крепко держал ее за волосы.

---

³ Cheveau-légers – всадник легкой кавалерии (*франц.*).

– Говори, Бюжо, – кивнул лейтенант.

– Я думаю, что это шпионка, – сообщил Бюжо. – Она следила за нами.

– А зачем ей за нами следить? – удивился лейтенант. – Отряды вице-короля бредут по этой пылище почти с полудня. Мы не скрываясь уходим из Москвы... сказал бы, гори она огнем, но там и так все уже сгорело. Что такого важного здесь, на этой дороге, может узреть шпионка?

– Кто знает, кто знает... – протянул Бюжо. – А что, если эти варвары прикидывают, где удобнее устроить засаду на пути дивизий маршала Нея, которые выступили вслед за нами?

«Ага! – мысленно отметила Аглая. – Значит, они движутся в таком порядке: полки вице-короля, потом „храбрейший из храбрых“⁴... а кто за ними? Войска Даву и гвардия? Кто же останется в Москве? Мортье? Или он тоже уйдет? Неужели все покинут Москву?!»

– А ты не дурак, Бюжо! – воскликнул лейтенант. – Хорошо соображаешь!

– Рад стараться! – самодовольно воскликнул Бюжо, и Аглая мысленно послала в его адрес крепкое словцо.

Будь он неладен со своей догадливостью! Но что же она-то молчит? Надо защищаться, или ей конец!

– Я не шпионка! – попыталась крикнуть Аглая, но из горла вырвался лишь слабый хрип. С трудом прокашлялась и кое-

---

⁴ Такое прозвище дал Наполеон маршалу Нею.

как смогла повторить: – Я не шпионка!

– Ого! – удивился лейтенант. – Да она прекрасно говорит по-французски! Конечно, я знаю, что в России вся аристократия воспитана в глубоком уважении к великой Франции, но эта *дриада*, – он язвительно хмыкнул, – мало похожа на аристократку!

– Значит, я прав, она шпионка! Нарочно выучила наш язык, чтобы следить за нами, – напористо изрек Бюжо, который, очевидно, был при лейтенанте кем-то вроде Савари⁵ при Наполеоне, то-то ему кругом шпионы виделись! Однако на сей раз местный Савари, к несчастью, не ошибся...

– Я воспитывалась в богатом доме вместе с хозяйской дочерью, училась вместе с ней, – ответила Аглая. – Потому и французский язык хорошо знаю.

– Предположим, – недоверчиво изрек Бюжо. – Что ты делала на дереве и почему напялила мужские панталоны?

– Потому что в юбке неудобно по деревьям лазить, – дерзко бросила Аглая. – Неужели не понятно?

– Предположим, – повторил Бюжо. – А все-таки зачем тебе понадобилось лезть на дерево?

– Да, зачем тебе это понадобилось? – подхватил лейтенант, решивший, видимо, показать, что главный здесь все-таки он.

– С вашего позволения, мой лейтенант, – вмешался всад-

---

⁵ Анн Жан Мари Рене Савари – министр полиции Франции в 1810–1814 гг., организатор шпионской сети в России и других странах.

ник. – Не могли бы вы побеседовать с этой дриадой, – он ухмыльнулся, – без меня? Я должен скакать дальше!

– Исполни свой долг, кавалер, – согласился лейтенант. – А мы разберемся со шпионкой.

– Желаю удачи, мой лейтенант! – воскликнул шеволежор, бесцеремонно свалил Аглаю с седла и подхлестнул коня, который сразу пошел рысью.

Девушка кое-как поднялась на ноги. Голова кружилась, все тело ломило, но сейчас было не до того, чтобы себя жалеть, – спастись надо, спастись!

Покосилась через плечо. Лес, под защиту которого можно кинуться, вроде бы близко, но все же слишком далеко, чтобы успеть до него добежать.

– Даже не думай! – рявкнул лейтенант, поймавший ее взгляд, и выразительно положил руку на пояс, за который был заткнут револьвер. – Бюжо! Возьми ее на прицел, а то, как я погляжу, нам попалась весьма прыткая дриада!

Стоящий рядом с ним плюгавенький фузилёр⁶ – по-видимому, это и был Бюжо – сорвал с плеча ружье с примкнутым штыком и воинственно вскинул его. По конопатой физиономии было видно, что Бюжо готов пустить оружие в ход в любую минуту. Впрочем, Аглая уже поняла, что пытаться судьбу не стоит. Надо отовратиться, но как?!

До чего же глупо... Ну почему она ничего не придумала на

---

⁶ Так в описываемое время называли вооруженных пехотинцев, от *франц. fusil* – ружье.

всякий случай? Конечно, даже предположить не могла, что окажется в руках врага! Теперь придется соображать на месте. Но неужели Аглае изменит ее всегдашняя изобретательность? Сколько раз она выручала свою хозяйку! Помогала спасать людей, устраивать чужое счастье... правда, устроить счастье самой Аглае не помогла, но, видимо, это было не в ее силах. Хотя кто знает! Если бы Аглае удалось остаться живой, если бы удалось спастись от этой напасти, может быть, она смогла бы отыскать Льва Каменского и сказать ему, что она любит его, хоть не имеет на это никакого права. Но ведь для любви нет запретов, она всегда права, она всё превозмогает!

Любовь?.. Да конечно же! Вот подсказка! Вот выход!

– Я забралась на дерево, чтобы лучше было видно ваши войска, – начала Аглая.

– О ля-ля! – радостно завопил Бюжо. – Я же говорил!

– Никакое не ля-ля! – передразнила Аглая. – Во всех этих войсках меня интересовал только один человек!

– Кто? – так и подпрыгнул Бюжо, едва не выронив ружье. – Вице-король?⁷ Маршал Ней? Маршал Даву?!

– Кто?! – грозно спросил лейтенант. – Кто из них?

– Зачем мне маршал?! – изумилась Аглая. – Я искала простого пехотинца. Я люблю его! Его одного!

– Что?! – Бюжо и лейтенант были так изумлены, что даже отпрянули от девушки.

---

⁷ Этот титул при Наполеоне носил Эжен Богарне.

– Что слышали! Мы были так счастливы вместе... но он покинул меня, чтобы уйти вместе со своим полком. Мы даже проститься не успели! Я чуть не сошла с ума от горя! – простонала Аглая, отчаянно надеясь, что отсутствие следов слез, неизменных признаков горя, не будет замечено. Конечно, хорошо бы хоть сейчас зарыдать, однако, как она ни старалась, никак не получалось. – Я залезла на дерево, чтобы увидеть его в последний раз... чтобы хоть посмотреть ему вслед!

Лейтенант и Бюжо переглянулись. Судя по выражению их лиц, презрение к глупости русской дриады мешалось у доблестных воинов с некоторой завистью к красавчику, которому удалось заслужить столь пылкую любовь. Однако физиономия Бюше была еще и окрашена немалой подозрительностью, в то время как лейтенант явно растрогался.

«Наверняка родом из Прованса, – подумала Аглая. – Видаль, помнится, уверял, что в Провансе, который можно назвать родиной трубадуров, живут самые чувствительные мужчины!»

За этим воспоминанием невольно потянулось еще одно: как Дроня, милый, незабываемый Дроня, ненавидевший заносчивого гувернера от всего сердца, никогда не упускал возможности, проходя мимо него, пробормотать: «Слышь, а ты пятиногую лягуху *видаль?*» И сам себе отвечал: «Нет, не *видаль!* – а потом еще хмыкал: – Эка *невидаль!*» Это доводило гувернера до белого каления.

– Эй, дриада! Отвечай! – раздался громкий голос лейтенанта, и Аглая вздрогнула.

Кажется, она слишком глубоко погрузилась в воспоминания! Наверное, искала в них защиты от своего страха, потому что ей по-прежнему было страшно, и любое воспоминание о доме, о ком-нибудь из домашних, пусть даже это воспоминание было связано с гнусным Видалем, само собой успокаивало.

– Что? – испуганно уставилась Аглая на французов. – О чем вы спросили, господин лейтенант?

– Я спросил, в каком полку служит твой дружок, – повторил лейтенант.

– В каком полку? – растерялась Аглая. – Откуда мне знать?! Он не говорил, а я не спрашивала. Он это в секрете держал!

– А его имя ты тоже не спрашивала? – не без издевки усмехнулся лейтенант.

– Или он его тоже в секрете держал? – угодливо подхихикнул Бюжо.

– Да нет, – пожала плечами Аглая. – Я отлично знаю, как его зовут!

– Ну и как? – спросили лейтенант и Бюжо в один голос.

Аглая открыла рот. Как назло, ни одно французское имя не шло на ум! Их все словно бы выжгло из памяти! Только одно крутилось в голове, потому что недавно вспомнилось, и Аглая безотчетно выпалила:

– Его зовут Анн-Мари-Поль Видаль!

Лейтенант и Бюжо на миг застыли, с одинаково ошеломленным выражением хлопая глазами, а потом вдруг принялись хохотать, и не они одни: все пехотинцы, которые до сей поры молча, с превеликим любопытством прислушивались к разговору, тоже захохотали.

Аглая стояла, хлопая глазами и растерянно оглядываясь, ничего не понимая, только смутно ощущая, что близко беда.

Внезапно лейтенант оборвал смех, властно махнул рукой – и все хохочущие глотки разом закрылись. Наступила тишина, и в этой тишине раздался окрик лейтенанта:

– Эй, капрал! Иди-ка сюда! Знаешь эту девчонку?

– Так точно, мой лейтенант! – раздался насмешливый голос, при звуке которого у Аглаи подкосились ноги.

«Не может быть, – с ужасом подумала она. – Этого не может быть! Мне мерещится!»

Что-то словно бы уперлось в ее спину, что-то ледяное, причиняющее боль, и она тотчас поняла, что это. Нечто подобное она всегда чувствовала, когда на нее устремлял свой взгляд гувернер Алёшеньки, француз Анн-Мари-Поль Видаль, подлец, вор и предатель.

Аглая медленно повернулась, все еще надеясь на чудо. Но чуда не произошло: ей, к несчастью, ничто не мерещилось! В самом деле, вот он, Видаль, en personne⁸: в военной форме, в кивере, со своей поганенькой, издевательской ухмылкой.

---

⁸ Собственной персоной (*франц.*).

– Что ж ты раньше таила свои чувства, прекрасная Аглая? – спросил он по-русски. – Ну, теперь ты от меня не уйдешь!

Внезапно ненавистная физиономия Видаля расплылась перед глазами Аглаи, потом затянулась серым туманом, а потом и вовсе исчезла.

И весь мир тоже исчез.

Глава первая

Гувернер

– ...У моего воспитанника почерк такой, словно мухи по бумаге бредут, – проворчал Видаль, брезгливо вглядываясь в брульоны⁹ Алёшеньки, в самом деле кругом исписанные довольно коряво, со множеством клякс, и невесело засмеялся.

Аглая промолчала, а вот горничная Лушка, которая пришла в классную комнату подбросить в печку дров (июньские дни стояли прохладные, сырые, и комнатах частенько подтапливали), угодливо хихикнула, хотя не понимала ни слова по-французски. Конечно, среди прислуги графа Игнатьева имелись истопники, однако Лушка наверняка сама вызвалась. Она не на печку смотрела – она глаз не сводила с Видаля, и хорошенькое личико ее, словно живое зеркало, отражало каждое чувство, которое отображалось на лице гувернера.

Он хмурился – хмурилась и Лушка. Он улыбался – она тоже расплывалась в улыбке.

Наверняка он казался ей красавцем писаным, королевичем заморским, этот иноземец!

«Вот те на, – удивилась Аглая. – А я думала, Лушка по Илье Капитонову вздыхает! Значит, переметнулась на Вида-

---

⁹ Черновик (франц.).

ля? Ну и зря. Француз-то с фанабериями! По себе надо деревце рубить! Дроня по этой дурочке сохнет, пылинки с нее готов сдувать, а она на него и не глядит! Бедный Дроня! А я разве не такова?! Тоже по тому сохну, кто на меня и не глядит!...»

Девушка печально склонилась к вязанью. Затеяла сплести для Наташиного утреннего платица новый воротничок, потому и устроилась у окошка в классной – самой светлой из жилых комнат. Конечно, большая зала была еще светлей, но парадные комнаты первого этажа стояли запертыми. Их открывали только для балов и приемов гостей, тогда и мыли-чистили все от потолка до последней половицы, а сейчас даже мебель в них прикрыта чехлами, а люстры и картины завешены кисеей. Иногда, впрочем, парадные комнаты отворяли, чтобы покурить смолкой и освежить застоявшийся воздух, однако там только вчера оставили медный таз с мятой, залитой уксусом и придавленной раскаленным кирпичом. После этого комнаты снова заперли, так что Аглае ничего не оставалось, как сидеть у окошка классной комнаты и слушать болтовню Видаля.

Крючок так и мелькал в проворных пальцах девушки, клубочек шелковых ниток модного цвета экрю¹⁰ сновал туда-сюда в корзинке. Вяжет она чудо как хорошо, что крючком, что на спицах, и вышивает искусно, а вот с портновской иглой не дружит. До сих пор не по себе при воспоминании о том, как

---

¹⁰ Небеленый, некрашенный (от франц. *écru*).

Наташина тетушка Зинаида Михайловна страдала Аглаю, что отправит ее в обучение к портнихе, а там, по слухам, учениц так бивали, что они вечно ходили с нахлестанными до красноты щеками. Как сидоровых коз лупили за малейшую провинность: сломанную иголку или недогретый утюг. А учили-то, рассказывали, кое-как! Но при этом все провинности и оплошности мастерицы взыскивали с учениц.

– В ошибках ученика виноват в первую голову учитель! – выпалила Аглая, отвечая не столько Видалю, сколько своим мыслям, и крючок в ее пальцах засновал еще быстрее.

– Еще бы вы не заступились за господского сынишку, – усмехнулся Видаль не без ехидства. – Впрочем, ничего не скажу: последние страницы Алексис исписал вполне прилично. Так что на сей раз обойдется без дополнительного задания.

– Вот и хорошо, – пробурчала Аглая, ниже склоняясь к вязанию и молясь про себя: «Да уходи, уходи же! Ты ведь закончил дела – ну и ступай к себе!»

Однако гувернер устроился за столом поудобней, продолжая сверлить взглядом девушку.

– До чего ж проворные у вас пальчики, Аглаэ¹¹! – воскликнул он с искренним восхищением, и Аглае послышался отчетливый зубовный скрежет с той стороны, где возилась у печурки Лушка.

Неужто возревновала? Ох, глупая... Да нужен Видаль Аг-

---

¹¹ Так по-французски произносится имя Аглая – Aglaé.

лае, как лиса зайцу!

А тот продолжал:

– Помнится, когда я ехал из Парижа дилижансом, среди моих попутчиц оказалась тоже искусная вязальщица, однако ей далеко до вас! К тому же этой даме было тесновато: с двух сторон ее стискивали двое толстенных буржуа, которые храпели всю дорогу, то и дело наваливаясь на свою соседку.

Аглая невольно улыбнулась. Хоть Видаль существо противоположнейшее, однако рассказчик он превосходный, этого у него не отнять! От гувернера Аглая столько узнала о Франции и о Наполеоне, сколько ни в каких книгах не прочла бы. Ладно, пускай болтает: веселей работать не в полной тишине, а слушая что-нибудь интересное. А если это не нравится Лушке, пусть вон в девичью идет!

И назло глупой девчонке она полюбопытствовала:

– Что же это такое – дилижанс?

– Это преогромная и превыгодная карета, – оживленно начал Видаль, – в которой всяк за сходную цену может нанять себе место. Сидишь, как в комнате, в обществе пятнадцати или шестнадцати людей разного звания, разных свойств и часто разных наций. Всякий делает что хочет. Один читает, другой болтает, третий дремлет, четвертый смеется, пятый зевает, шестая, как я уже говорил, кружева плетет... Конечно, багаж путешественника не должен быть велик, чтобы дилижансу было не слишком тяжело двигаться: короб или чемодан, шкатулка для драгоценностей, денег

и векселей, обязательно снабженная специальными болтами – с тем, чтобы крепить ее в карете или в комнате постоянного двора...

– Это зачем? – удивилась Аглая. – Ах да, чтобы не украли, верно?

– Вы совершенно правы, моя прелестная Аглаэ! – сладким голосом проворковал Видаль, но девушка на него даже не взглянула.

Так и быть, она готова его слушать – от нечего делать! – однако не собирается играть с ним в гляделки. Пускай вон Лушка на него тарашится! А ведь та, глупенькая, до сих пор с дровами возится, хотя огонь в печурке уже всю пылает. Надо бы ее шугануть, чтоб не бездельничала, но уж ладно, пускай остается, на свой *предмет* любится. К тому же Аглая ей не хозяйка, чтобы приказы отдавать, а главное, что при постороннем Видаль не станет расточать свои глупые любезности, чего Аглая терпеть не может.

– Дороги во Франции небезопасны – конечно, не настолько опасны, как в России, – но грабителей и там можно встретить, – говорил Видаль. – Оттого следует непременно обзавестись дуэльным пистолетом и ни в коем случае не доверять возчикам, а на каждой остановке проверять свой багаж. Впрочем, округа настолько прекрасна, что обо всех неприятностях забываешь. Ах, если бы вы знали, Аглаэ, как жаль мне было покинуть родину! Картины прекрасного Парижа навеки запечатлелись в моей памяти! До чего же я любил гулять

в знаменитом саду Тиволи¹² в квартале Сен-Жорж! Это воистину волшебный чертог! Вообразите: деревья, ограды, долины унизаны, уставлены, осыпаны фонарями и плашками с огнем. Где ни прислушаешься – музыка! Куда ни помотришь – танцы! Вдруг зашумит что-то; оглянешься – там зажгли фейерверк. Какой великолепный, пышный, разноцветный пожар!.. И этим гуляньем можно наслаждаться всего за два франка!

Аглая слушала с невольным любопытством, однако на последних словах слегка улыбнулась: у Видаля была странная привычка непременно называть цену всякого удовольствия, которое он испытывал. Однажды, зимой еще, Наташа, старшая дочь графа Игнатьева и лучшая подруга Аглаи, нашла оброненное гувернером письмецо, в котором он рассказывал какому-то знакомому о российской дороговизне: «Роскошь и пышность сей страны не поддаются описанию; самое великое у нас здесь кажется бесконечно малым. Если бы я стал рассказывать тебе о здешних ценах, ты, друг мой Анри, побледнел бы от ужаса. Ограничусь лишь предметами роскоши: пара туфель хорошей работы стоит восемь рублей (один рубль равен приблизительно трем французским ливрам и десяти су); не столь изящные можно купить за пять; локоть французского драпа двадцать четыре рубля... Слышал я об ужине у самого Императора: пятьсот кувертов не знаю уж на скольких круглых столах; всевозможные вина и фрукты; наконец,

---

¹² Сады Тиволи существовали в Париже с 1730 по 1842 г.

все столы уставлены живыми цветами, и это здесь, в заснеженной России, и это в январе...»

Хоть чужие письма читать и неприлично, однако оно валялось на полу и как бы само просило, чтобы его прочли. К сожалению, подругам недолго привелось тешить свое любопытство! За дверью послышались шаги: похоже, Видаль хватился потерянной бумаги и воротился ее поискать. Девушки бросили письмо на пол и на цыпочках выпорхнули в другую дверь.

Вспомнив эту историю, Аглая не смогла сдержать не только улыбку, но и смешок, и Видаль насупился:

– Вам смешны мои рассказы? Или это я вам смешон?!

– Ах нет, – смутилась Аглая, которую слишком часто самую обижали, чтобы она не научилась шадить чужое самолюбие. – Я просто очень живо вообразила себе ту радостную картину, о которой вы рассказывали, ну и улыбнулась. Но скажите, отчего же вы оставили свою прекрасную Францию и отправились в чужую и нелюбимую вами страну... вы ведь не любите Россию, я не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь, – вздохнул Видаль, – однако среди русских есть некоторые персоны, к которым я отношусь с уважением и даже... – Он сделал было многозначительную паузу, однако перехватил неприязненный взгляд Аглаи и поспешно заговорил о другом: – А уехал я из Франции потому, что жить мне там было решительно не на что. Видите ли, моя

семья во время Революции¹³ бежала в Англию, потом вернулась, но в число амнистированных Наполеоном не попала. Собственность наша была конфискована, никаких источников дохода мы не имели. Родители умерли. Старший брат пошел в военную службу и вскоре погиб. Я остался один. Хотел стать учителем, но это презираемая профессия в моей стране. Этим трудом учителя во Франции ничего не заработаешь, если не попадешь в наставники к первым лицам государства – таким же парвеню¹⁴, как и сам Бонапарт. А далекая неведомая Россия казалась усыпанной не только снегом, но и серебром, а то и золотом. Многие из нас отправлялись в вашу страну на поиски удачи.

«Вернее, наживы», – подумала Аглая, но, конечно, промолчала.

– Беда только в том, – вздохнул Видаль, – что я не нашел здесь того, что искал. Меня никто не только не любит, но и не уважает. Я в России чужой!

– Позвольте, – так и скинулась Аглая, – но вы служите в доме графа Игнатьева! Чем же это плохо?!

– Да тем, что и в России профессия гувернера и домашнего учителя столь же презираема, как во Франции! – зло хохотнул Видаль. – Хозяин смотрит на гувернера как на слугу, в лучшем случае считает его первым из своих слуг. Слово

---

¹³ Имеется в виду так называемая Великая французская революция 1789–1799 гг.

¹⁴ Parvenu – выскочка (*франц.*).

«учитель» для него почти то же, что «дядька-холоп», для которого «мусью», – Видаль произнес это слово с непередаваемой горечью, – тоже враг и соперник. Мне приходилось по воле графа быть парикмахером, метрдотелем, поваром, заменяя заболевших слуг... И хозяин еще жалуется на неуспехи своего сына! Но какие могут быть успехи, если с тем, на кого возложено воспитание юного графа, обращаются неуважительно? Меня как встретили с недоверием и презрением, так и продолжают презирать и смотреть на меня с опаской!

– Да разве вы первый из французских гувернеров в России? – попыталась успокоить Видаля Аглая. – На нас обрушилась туча иностранцев разнообразнейших мастей, большая часть которых, заимев неприятности со своей полицией, отправилась в нашу страну, чтобы спастись от преследования, но при этом не переменили своей сути. Русские знатные персоны обнаружили в своих домах дезертиров, банкротов, развратников, которым, в силу излишнего доверия русских к иноземцам, было препоручено воспитание юношей из весьма видных семей... Вот и на вас волей-неволей пала тень этих *des français démeritants*¹⁵...

– Ха! – возмутился Видаль. – Да благодаря водворению французов в русских знатных семействах состояние крепостных улучшилось; с рабами начали обращаться снисходительнее, научились видеть в них людей... Возлияния Бахусу весьма уменьшились. Беседы дворянские начали окан-

---

¹⁵ Недостойных французов (*франц.*).

чиваться без поединка на кулаках, а приличными дуэлями. Да мало ли! Не зря ваша императрица Елизавета Петровна говорила, что без Франции Россия впала бы в совершенное ничтожество!

– Что за чушь вы несете?! – вскочила Аглая. – Да как вы смеете?! Чтобы русская императрица, дочь Петра Великого, сказала такое... Никогда в жизни не поверю в это! Вы нарочно так говорите, чтобы оскорбить и меня, и всех русских! Вы жаловались, что вы здесь чужой, что вас не полюбили – да как же полюбить того, кто обуреваем такой брезгливостью к России, таким презрением к ее жителям?!

Тут Аглая спохватилась, что свалившийся клубок закатился невесть куда, и проворно опустилась на колени, чтобы его отыскать.

В то же мгновение Видаль оказался стоящим на коленях рядом с ней. Лицо его – набрякшее, побагровевшее, с жутким выражением неутоленной алчности – близко придвинулось к ее лицу, а руки сжали ее плечи.

– Аглаэ! – простонал Видаль. – Да мне наплевать на всех! Да, я ненавижу и презираю всех на свете – кроме вас! Неужели вы не понимаете, что лишь только вы нужны мне, только о вашей любви я мечтаю? Ведь и вы чужая в этом доме, вас так же, как Илью Капитонова, держат здесь из милости и могут выгнать в любое мгновение. Думаете, на вас взглянет кто-нибудь из этих важных господ, которые мечтают о руке молодой графини Игнатьевой, вашей подруги? Или вы

рассчитываете на ее покровительство? Ну да, она выйдет замуж, а вас превратит в няньку для своих детей. Или в монастырь пойдете? Но я вижу, что монастырь не для вас, я чувствую, сколько в вас страсти! Позвольте мне, мне оказать вам свое покровительство... я смогу дать вам счастье, у меня есть деньги, много денег, только об этом никто не знает... будьте моей, умоляю!

Аглая пыталась оттолкнуть Видаля, однако тот оказался слишком силен. Она уворачивалась как могла, пыталась позвать на помощь, однако гувернер глушил ее крики и стоны своим жарким ртом.

– Пошел вон от меня! – наконец простонала она. – Ты мне отвратителен! Да я лучше умру, чем стану твоей!

Эти слова удвоили яростный пыл Видаля, в котором похоть мешалась теперь с оскорбленным самолюбием. Он во что бы то ни стало решил восторжествовать над девушкой! Гувернеру удалось повалить ее плашмя, придавить своим телом, и Аглая в ужасе почувствовала, что он пытается задрать ей подол.

– Барин! Барин идет! Его сиятельство! – раздался вдруг пронзительный крик.

Видадь поспешно вскочил, рывком вздернул Аглаю на ноги, швырнул ее на стул, на котором она только что сидела, и прошипел, торопливо одергивая камзол:

– Примите приличный вид, иначе мы пропали!

Сам же Видадь шмыгнул за стол, где он недавно правил

Алёшины брульоны, и принял вид глубокой сосредоточенности, однако его обычно бледное лицо так и пылало, а грудь тяжело вздымалась.

Аглая огляделась, с трудом переводя дыхание, и увидела в дверях Лушку, которая замерла у печки, прижав руки к груди и вытаращив глаза. Только сейчас до Аглаи дошло, что, забытая и ею, и Видалем, горничная девка все время оставалась здесь – и это она подняла тревогу!

Однако где же обещанный барин?.. Тихо в коридорчике, в который выходила классная комната, нигде не хлопают двери и не скрипят ступени лестницы, по которой поднимается своей тяжелой поступью рассерженный граф.

Да и вообще они с Наташей и Алёшенькой куда-то уехали с утра...

Неужели тревога была ложной? Неужели Лушка просто-напросто наврала?! То-то столбом стоит, напуганная собственной смелостью!

Однако ждать, пока она очухается, а главное, пока придет в себя Видаль, Аглая не намеревалась: сорвалась со стула и кинулась к двери, позабыв про упавшее вязанье.

Через минуту она уже скатилась по боковой лесенке на первый этаж. Заскочила под лестницу, плюхнулась на старый сундук, стоявший в темном углу, подобрала под себя ноги, скорчилась – и дала волю слезам.

Глава вторая «Взятущка»

Да, ее стыдливость оскорбили грубые объятия Видаля, ей были омерзительны его поцелуи и бесцеремонные руки, однако куда сильнее, чем ее целомудрие, было оскорблено ее самолюбие. Ведь он все правильно говорил, проклятуший гувернер! Все он говорил верно! К бесприданнице Аглае, пусть она носит ту же фамилию, что и семейство графа, не присватается никто из тех блестящих господ, которые увидаются вокруг молодой графини Натальи Игнатьевой в поисках ее руки. Аглае, впрочем, и не нужны они все – ей нужен только один, да что с того? Кто она такая, чтобы вообще посметь мечтать о нем?

С самого детства Аглая знала свое место «взятущки», как в господских домах называли всех этих сироток, оставшихся от старых полковых товарищей, или дочерей бедных провинциальных родственников, взятых воспитанницами в богатый московский дом. Небогатая провинциальная родня, земляки, старые сослуживцы сплошь и рядом отправляли своих многочисленных детей в семьи столичных благодетелей. Юноши обзаводились нужными знакомствами, девушки могли кому-нибудь приглянуться... И все же их положение в новой семье было приниженным, даже если милостив-

цы ничем не отличали этих юношей от своих сыновей, а девушек определяли к тем же «мадамам» и гувернанткам, что и собственных дочерей, и даже шили обеим платья из одной и той же материи. Зависимость от благодетеля существовала всегда, от нее некуда было деться, и молодые люди с тонкими чувствами тяжело переносили такую зависимость! Не зря в обществе злословили, что все эти *demoiselles de compagnie*¹⁶ обыкновенно бывают или низкими служанками, или несносными причудницами.

Те же страдания ущемленного самолюбия приходилось испытывать Илье Капитонову, сыну давно погибшего сослуживца графа Михаила Михайловича Игнатьева, который тоже воспитывался в его доме, быв двумя годами старше Аглаи. Возможно, следовало ожидать, что эти двое воспитанников найдут друг в друге утешение, сдружатся, а то и проникнутся друг к другу романтическими чувствами, однако они, скорее, друг друга недолюбливали: уж слишком ревновал Илья всех Игнатьевых к Аглае, пользовавшейся покровительством и особым расположением Наташи, а значит, и самого графа, и младшего его сына Алёши! Зато к Илье благоволила старшая сестра графа, Зинаида Михайловна Метлицына, – и ничуть не скрывала этого. Стоило Илье при малейшем упреке завести: «Я не виноват! Я ни в чем не виноват! Простите!» – как сердце Зинаиды Михайловны таяло, словно кусочек сахару в чашке столь любимого

---

¹⁶ Компаньонки (франц.).

ею кофею.

Причина сего расположения богатой вдовы к безродному юнцу уходила в ее далекие девические годы, когда Зиночка Игнатьева по уши влюбилась в блестящего драгуна Павла Капитонова, которого ввел в дом ее брат Михаил. Павел Капитонов, впрочем, был чуть ли не с колыбели сговорен с одной милой девушкой. На счастье, он любил ее и глаз не поднимал на богатую невесту, зная не зная, что та мечтала о нем тайно... вполне при этом понимая несбыточность своих мечтаний, ибо рука ее уже была обещана молодому наследнику изрядного состояния. Зиночка и в юные наивные года была особой трезвомыслящей и прекрасно осознавала, что любовь девическую следует отличать от любви супружеской. Поэтому воли своим запретным мечтаниям она так и не дала. Постепенно они и вовсе забылись, однако, оставшись бездетной вдовой, Зинаида Михайловна с нежностью принялась о них вспоминать – особенно когда увидела в доме брата осиротевшего Илью Капитонова, который был совершенной копией своего отца. Во всяком случае, так показалось Зинаиде Михайловне, и она с легкостью себя в этом убедила... также как и в том, что Павел Капитонов некогда был в нее страстно влюблен и сердце его навеки разбилось замужеством прелестной Зиночки.

С тех пор госпожа Метлицына одаривала воспитанника брата сначала сладостями, а потом, когда он подрос и вознамерился поступить на службу в архив Коллегии иностранных

дел, находившийся в Хохловском переулке, в палатах дьяка Украинцева, – деньгами и протекцией. К военной службе Илья годен не был – он слегка прихрамывал из-за сломанной еще в детстве и неправильно сросшейся ноги, оттого и соби-рался пойти по статской стезе.

Правда, и здесь все было не так просто. «Архивных» юношей вовсе не осыпали повышениями и крестами. Случа-лось, что государь вычеркивал их из поданных ему списков наградных, считая бездельниками. Впрочем, Коллегия ино-странных дел обещала, при особом старании и поддержке, более или менее солидную дипломатическую карьеру.

Для поступления в Коллегию, даже в архив, однако, необ-ходим был университетский диплом, но учебу следовало оплачивать, и дорого... Зинаида Михайловна была не до та-кой степени расточительна: она просто пустила в ход связи покойного мужа – и устроила Илью в Коллегию без дипло-ма. Заставила его усвоить, что для дипломатической карьеры необходимо блестящее знание языков. С тех пор преподава-тели немецкого, латыни и греческого, приходившие к Игна-тьевым обучать Алёшу, давали уроки также и Илье. Фран-цузским же с ним занимался Видаль.

Аглая тоже мечтала учиться языкам, однако никому и в голову не пришло бы допускать ее на уроки, и быть бы ей рано или поздно в самом деле отправленной волею Зина-иды Михайловны в обучение какому-нибудь ремеслу, ибо госпожа Метлицына терпеть не могла Аглаю и не скрывала

этого... когда была трезва. А вот стоило ей хватить рюмочку вишневой или сливовой настойки, как она становилась добра и снисходительна к любым промахам и родных племянников, и «взятушки». Знал об этом средстве спасения и граф, которого старшая сестрица тоже любила назойливо пилить – просто потому, что жить без этого не могла. Именно поэтому во всех буфетах стояли графинчики с любимыми Зинаидой Михайловной настоечками, а прислуга знала, что надо подносить госпоже рюмочку на подносе даже без ее просьбы, а при первом знаке графа или молодой графини.

Однако тому, что Аглая все же осталась в доме Игнатьевых и ей позволили учиться не шитью, а языкам, она была обязана не минутной снисходительности Зинаиды Михайловны, а заступничеству Наташи Игнатьевой, которая хорошо знала тонкий ум и пылкий нрав своей ближайшей подруги и названной сестры.

Они выросли вместе, они всю жизнь были неразлучны – и рыдали дни и ночи напролет, когда пришла пора расставаться: Наташу отправили учиться в Санкт-Петербург, в Смольный. Такова была предсмертная воля ее матери, которая по приказу императрицы Марии Федоровны некогда оказалась в числе смольнянок и сохранила о тех временах самые чудесные воспоминания. Граф желание покойной супруги скрепя сердце выполнил, но втихомолку мечтал о том, чтобы представился какой-нибудь случай прервать пребывание люби-

мой дочери в ненавистном всем москвичам Санкт-Петербурге. Наташе, впрочем, в Смольном нравилось, несмотря даже на разлуку с «милой сестрицей», как она называла Аглаю. Во время вакаций девушки снова проводили все время вместе, и те умения, которыми овладевала Наташа в институте, немедленно передавались Аглае. Много внимания в институте уделяли музыке и танцам, и все новинки сразу становились известны Аглае.

Расставались подруги всегда со слезами, непрестанно обменивались письмами, но чем дальше шло время, тем более унылым ощущала Аглая свое существование в доме Игнатьевых. Она очень любила Наташу, однако мысль о том, что жизнь ее будет навсегда проходить в тени жизни подруги, она навеки останется приживалкой, просто перейдет из дома троюродного дядюшки в дом кухни после ее замужества, оставшись при этом старой девой, постепенно увядающей, стареющей, с завистью глядящей на Наташу и чувствующей, как прежняя любовь сменяется ненавистью к ней, доводила Аглаю до отчаяния.

Ее страхи, возможно, и оправдались бы, когда б не вмешалась судьба в лице некоей Катеньки Самойловой.

Эту ученицу выпускного класса Смольного института Аглая в жизни не видела, да и Наташа ее почти не знала, однако именно история Катеньки положила начало коренным изменениям судеб подруг.

Катенька Самойлова переполошила весь Смольный тем,

что прямо оттуда сбежала с молодым гусаром, которого любила, который к ней сватался, но которому было решительно отказано ее отцом и матерью: и беден-то он, и не родовит, и перспектив-то по службе никаких – ничего, словом, в нем нет, кроме красоты и молодости, которые и прельстили Катеньку, да так, что она не убоялась ни греха непослушания, ни побега. Однако отец ее не смог простить дочери-ослушницы и весьма громогласно, чуть ли не с амвона¹⁷, лишил ее наследства. Почти немедленно после этого Катенька была своим кавалером покинута. Не то что бы он сказал ей: «Прощай навсегда!», но тайное венчание было отложено, и в дом родительский жених невесту не повез (якобы отец с матерью пригрозили ему проклятием за недозволенный брак) – покинул Катеньку в каком-то наспех снятом убогом домишке, а сам воротился в полк, где о его проступке пока еще не знали. Однако беда в том, что девичества невестиного жених не сберег, и Катенька, оставшись без всяких средств, не веря в прощение родительское и совершенно отчаявшись, когда ощутила первые признаки беременности, утопилась в Обводном канале.

Эта история произвела на всех такое ужасное впечатление, репутация знаменитого учебного заведения для девиц так пострадала, что некоторые родители забрали своих дочерей из института. Среди них был и граф Михаил Михай-

---

¹⁷ Возвышенная площадка в церкви перед иконостасом, с которой произносятся проклятия вероотступникам.

лович Игнатъев, который словно бы только этого и ждал.

Наташа в дороге поплакала, оттого что ей нравился Смольный и жаль было расставаться с подругами, однако уже на подъезде к Москве успокоилась и с нетерпением ждала встречи с родным домом, а первый черед – с Аглаей. Они вновь стали почти неразлучны, и Наташа была единственным человеком, которому Аглая могла бы рассказать, что произошло сегодня в классной комнате, однако сейчас ни Наташи, ни графа, ни Алёшеньки дома не было. Прислуга обычно находилась в своем крыле дома, появляясь в господских комнатах только для ежедневной утренней уборки, накрывать в столовой или по чьему-то зову. В доме царила тишина, и Аглая была ей рада, словно повязке на рану.

Постепенно она успокоилась настолько, что даже вспомнила о вязанье, брошенном в классной комнате. Надо бы подняться туда и забрать его, однако девушке было даже страшно подумать о том, чтобы встретиться с Видалем, который до сих пор еще оставался наверху.

И тут, словно в ответ ее мыслям, над головой хлопнула дверь, а потом ступеньки зашуршали под чьими-то быстрыми шагами. Это спускается Видаль!

Аглая вжалась в самый темный угол, страшась, что губернёр ее увидит, однако тот пробежал мимо не останавливаясь и скрылся в черных сенях. Комната его находилась в противоположном крыле, ход туда вел через сени. Наверняка Видаль отправился к себе, значит, можно без помех подняться

и забрать вязанье.

И тут Аглая вспомнила про Лушку. А она-то где? Неужто до сих пор наверху остается? Наверное, нет, наверное, уже спустилась, просто Аглая так увлеклась своими горестями, что этого даже не заметила.

Она слезла с сундука, зашла в ретирадник¹⁸, где, кроме всего прочего, имелся настенный рукомойник, смыла с лица следы слез, переплела косу и начала подниматься. Лестница почти не скрипела под ее легкими шагами, и когда Аглая поднялась почти до верху, она отчетливо расслышала какой-то странный звук, напоминающий сдавленное рыдание.

Что за странности?

Аглая поспешно взбежала на площадку и прислушалась. Горестный звук раздался снова, и девушка с удивлением поняла, что он доносится из-за двери классной комнаты. Она осторожно приотворила дверь, заглянула – да так и ахнула, обнаружив Лушку, которая отчаянно рыдала, распростершись на полу. Сарафан ее и сорочка были задраны чуть ли не на голову, чресла оголены.

При всей своей невинности и неопытности Аглая все же не в диком лесу жила; общаясь со слугами, невольно набиралась всевозможной житейской премудрости, даже и такой, без которой она вполне обошлась бы. И сейчас она сразу поняла, что именно происходило здесь после ее поспешного

---

¹⁸ Старинное название туалета, находившегося обычно на задах дома, от устаревшего военного термина «ретирада», означавшего отступление.

бегства. Лушка попалась распаленному похотью, но отвергнутому Видалю под горячую руку, и он отвел на ней душу... и потешил плоть.

– Лушенька, бедняжка! – простонала Аглая, чуть не плача. – Что же ты не кричала, что же на помощь не звала?! Или он тебя ударил и ты лишилась чувств?

– Да не бил он меня, – задыхаясь от слез, кое-как выговорила Лушка. – Улестил, бес! Улестил! Как начал меня шарманкой да машеркой называть, тут я и ноги врозь, тут и делай со мной что хошь! Ну он и наделал... да не единожды. Да так больно было, словно впервой!

«Впервой? Да какое там впервой, тебе, небось, не привыкать!» – подумала Аглая, которая не заметила на Лушкиной сорочке следов, которые свидетельствовали бы о том, что ее девичество было нарушено. Неужто горничные девки не так пекутся о своей невинности, как барышни? Впрочем, если вспомнить Катюшу Самойлову, барышни тоже ею не больно-то дорожат, хотя платят за ее утрату дорого, порою и самой жизнью! Лушка-то не пойдет топиться! Если когда лишилась девичества, не пошла, теперь и всяко не пойдет. Да и слава богу, еще не хватало! А сама Аглая, наверное, утопилась бы или в окошко кинулась, если бы ее лишил девичества не тот, о ком она мечтает денно и ночью!

Стоило Аглае представить себе, как это могло бы у них произойти, и у нее запыхали щеки, она смешалась, и все ее волнение, и трепет, и надежды, и безнадежность так яв-

но отобразились у нее на лице, такой оно залилось краской, так задрожали руки, что Лушка испугалась, неправильно истолковав это смущение, и, ловко перевернувшись на колени, припала к ногам Аглаи:

– Барышня, Аглая Петровна! Не погубите! Христа ради, никому не сказывайте! Барин строг, а госпожа Метлицына – суцкая зверюга, отправят они меня в деревню как пить дать, а там темь да глухомань, да всяк мужик сиволап, суцый поршень¹⁹! А так меня, может, Дроня за себя возьмет...

– Не бойся, Лушенька, никому не скажу, – утешила Аглая, которой весьма польстило, что Лушка назвала ее по отчеству, а главное, что девка назвала Зинаиду Михайловну Метлицыну суццей зверюгой (с чем Аглая была совершенно согласна). Впрочем, она и без того бедную девку не выдала бы. Крепостные – существа подневольные, да и приемыши-приживалы немногим выше их чином!

Но Видаль-то каков негодяй! Аглая вспомнила Лушкины слова: «Начал меня шарманкой да машеркой называть...»

Шарманка – это, видимо, *charmante*, очаровательная, ну а машерка – *ma chère*, моя милая... Вот, право, не знаешь, злиться или смеяться!

В эту минуту снизу донесся шум подъехавшего к черному ходу экипажа, а это значило, что вернулись хозяева. Приложив палец к губам в знак того, что будет молчать, Аглая

---

¹⁹ Имеется в виду крестьянский башмак, сшитый из шкуры мехом наружу, – в переносном смысле невежа и грубиян.

прощально улыбнулась зареванной «шарманке и машерке»
Лушке и побежала вниз.

Глава третья

Предметы воздыханий

Еще на лестнице стало ясно, что Игнатьевы вернулись в дурном настроении. Алёшенька плакал, а граф и Наташа громогласно пререкались. Вернее сказать, Наташа только пыталась вставить словечко, но рассерженный отец криком кричал и не давал ей слова молвить:

– Набралась в Санкт-Петербурге вольностей? Желательно тебе путем несчастной Самойловой пойти? Себя в гроб вогнать, отца опозорить? Ну так знай: не пойдешь за того, за кого велю, я тоже, как Самойлов, наследства тебя лишу, всё Алёшке отпишу, а тебя из дому выгоню. Пойдешь с протянутой рукой!

Наташа от такой угрозы онемела, но тут Алёша заплакал в голос и закричал:

– Сестрица, не горюй, я тебя накормлю и половину денежек тебе отдам, как батюшка ни гневись!

Настала минута тишины, после которой граф и сам не то разрыдался, а может, и засмеялся:

– Ах ты Алексей, человек Божий, покрыт рогожей! Душа твоя милостивая! Не стоишь ты, Наташка, строптивница, такого брата! Эй, Митроха! Забери графа молодого, да умой его, да скажи на кухне дать ему неурочно сладкого за такую

доброту!

Прибежал Митрофан, дядька Алёшеньки, унес плачущего мальчишку. Ушел и граф, и только Наташины всхлипывания еще раздавались внизу.

Аглая наконец спустилась по лестнице и подошла к подруге:

– Милая моя, Наташенька, что приключилось?

– Отец жениха мне нашел! – прорыдала Наташа. – Сobleговолит! Сама знаешь, сколько раз ко мне сватались, и те, на кого я не взглянула бы, и те, кто мне по сердцу, да всем от ворот поворот давали: тот дюжинной фамилии, тот не в чинах, тот безденежен, а значит, богатого приданого иска-тель, – она горестно усмехнулась, – у того прадед не в ладах с нашим был... Я отцу: так и в девках засидеться недолго! А он: сыщу тебе мужа, не печалься. Ну и сыскал! Радость великая! От такой радости только в Сергиев пруд у Симонова монастыря прыгать!

– Христос с тобой! – испугалась Аглая, вспомнив, как они с Наташей читали когда-то «Бедную Лизу», а потом украдкой бегали к Симонову монастырю, поглядеть на место самоубийства влюбленной и покинутой девушки. – За кого же тебя прочат? За старика? Урода? Злодея?

– Нет, ты не поверишь! – простонала Наташа. – Это сын старинного приятеля батюшки, богатый наследник. Я тебе о нем рассказывала когда-то. Это Лев Каменский!

...Однажды Аглая, пробегая по Арбату, увидела повозку, на которой лежало чье-то тело, прикрытое черной тканью. Человек, ведший лошадь под уздцы, свернул к каким-то воротам. За повозкой шли двое печальных офицеров. Они приостановились, разговаривая с подошедшими прохожими, а до Аглаи донеслись слова:

– Прямо в сердце! Даже не вскрикнул – сразу упал мертвым, бедняга. Ну что ж, честь ему была дороже жизни!

Аглая поняла, что офицеры сопровождали тело своего товарища, убитого на дуэли.

Слова «прямо в сердце» поразили ее и напугали. Потом не раз в страшных снах виделся ей бледный призрак со страданием на лице и кровавой дырой в груди, и она с ужасом представляла, как пуля вонзалась в его сердце.

Успел ли он почувствовать боль? Успел ли понять, что умирает, или душа его мгновенно и безболезненно изошла из тела?

А сейчас ей показалось, что Наташины слова – это пуля, которая враз поразила ее мозг и сердце. Боль, которую она испытала в этот миг, была такова, что Аглая даже вздохнуть не могла. Только прижала руки к груди, жалобно глядя на Наташу... так несчастный осужденный глядит на судью, который только что вынес ему смертный приговор!

...Когда Наташа возвращалась из Петербурга на vacation, ее непременно возили на летние детские балы. Их устраива-

ли в том или ином богатом доме для подростков тринадцати-шестнадцати лет: по малолетству они в свет еще не выезжали, однако нужно же было им где-то оттачивать танцевальное мастерство и присматривать будущих бальных партнеров! Впрочем, езживали на детские балы и взрослые танцоры. Если такой бал давал танцмейстер, он обычно приглашал туда и всех своих бывших учеников. Однако наблюдали на этих балах не только за тем, кто как вальсирует или плывет в польском²⁰. Молодые люди, еще не нашедшие пару, присматривались к будущим дебютанткам, порою строя далеко идущие планы. Пусть перед ними были пока еще незрелые девочки, однако приданое их было уже определено, все знали о том, что именно дадут за той или иной будущей невестой, – так что и впрямь имело смысл заранее пробудить нежные чувства юной красавицы и сыскать расположение ее семейства.

Аглаю на эти балы, конечно, не брали: не по чину честь, настолько далеко забота о воспитании «взятюшки» у графа Игнатьева не простиралась, – однако Наташа, едва воротясь домой с бала или с урока, сразу требовала открыть обычно запертую парадную залу, чтобы вновь потанцевать и не позабыть того нового, что узнавала она от опытных партнеров, научиться не сбиваться с ритма, – и они с Аглаей до онемения ног то летали в вальсе, то порхали в мазурке, то плыли

---

²⁰ В обиходе именно так чаще называли полонез, который был первым танцем на больших балах.

в полонезе. Наташа порой добродушно ворчала, что Аглая – прирожденная танцорка, Иогель²¹ был бы счастлив заполнить такую ученицу, она бы всех превзошла! Аглая же лишь тихонько вздыхала, усмиряя свое беспокойное сердце, умом понимая, что следует быть благодарной судьбе за любую милость. Нет, в самом деле: ведь она могла угодить в приют после смерти родителей, или Зинаида Михайловна, которая имела свою *idée*²² о ее будущем, добилась бы своего и отдала бы ее таки в ученицы к портнихе...

Однако куда интересней, чем осваивать новые па, было для Аглаи узнавать о том, что происходило на балах или уроках, хохотать над смешными «Заповедями вальса», стихотворным руководством для начинающих:

Ты ногу выверни, главу же задери.
Рукою правой обойми за талью даму.
Скользи, как легкий ветер, но, как безумный,
не скачи,
По кругу мчись, лишь изредка шагая прямо.
Фигуры правую ногою начинай,
А левую затем к ней плавно придвигай.

а главное, слушать рассказы о тех взрослых партнерах, с которыми Наташе доводилось вальсировать. Имя Льва Каменского звучало едва ли не чаще других, сопровождаемое

---

²¹ Петр Андреевич Иогель – знаменитый танцмейстер нач. XIX в.

²² Здесь: представление (франц.).

похвалами его мастерству танцора и порицаниями его поведению вне бального зала. Он служил в Санкт-Петербурге, однако там видеться Наташе с ним было негде: таких повес и шалунов, как Лев Каменский, даже близко к Смольному не подпускали, да и приглашения на домашние балы и вечеринки, где могли присутствовать юные девицы, кавалерам, подобным Льву, не рассылали. Однако летом, когда полк, в котором служил Каменский, приходил в московские лагеря, Лев, любитель балов, отводил душу и на взрослом, и на детском паркете. Наташа не могла не восхищаться тем, как он танцует, однако ее отвращала его манера не стесняясь показывать партнерше, по нраву она ему или нет. Взор его становился то брезгливо-ледяным, то опасно-пылким, ну а юной Наташе доставалось только снисходительное равнодушие. Это оскорбляло ее, и отзывалась она о Льве с презрением:

– По Санкт-Петербургу о нем ходят самые неприличные слухи. Женщин он подчиняет себе, но при этом ни во что не ставит! Впрочем, что с него взять, когда на него замужние дамы вешаются и хвостом за ним ходят!

– Что ты говоришь! – смущалась и ужасалась Аглая, однако Наташа таинственным шепотом передавала ей одну скандальную историю, в которой участвовал Лев, за другой, и Аглая даже не знала, хохотать над ними или бранить Каменского всеми известными ей черными словами.

Отношение Аглаи ко Льву Каменскому было, конечно, от-

ражением отношения Наташи. Она так же, как Наташа, презирала его, она негодовала на него так же, однако заглазно так же восхищалась его танцевальным талантом и мечтала пройти с ним хотя бы тур вальса, чтобы показать: и она не лыком шита, и она может составить прекрасную пару этому «паркетному шаркуну», как называл любителей балов и танцев граф Игнатъев, которому медведь столь чувствительно наступил в свое время на ухо, что он ни шагу по паркету сделать не мог, чтобы не сбиться с такта или не потерять каданс, то есть перепутать движения.

Несмотря на то что Лев был сыном старинного друга и сослуживца графа, Михаил Михайлович его недолюбливал и отзывался о нем весьма злоехидно. Единственным достоинством Льва, по его словам, было то, что его ожидало богатое наследство, однако граф не сомневался, что этот повеса его мгновенно либо в карты спустит, либо на танцорок расточит. Основания говорить о расточительстве Льва у графа имелись, ибо молодой Каменский был страшным щеголем и его ментик и доломан были расшиты золотом до ослепительного сияния, а синие чакчиры также имели спереди золотую выкладку в виде завитков и были оторочены золотыми галунами²³ по боковому шву.

---

²³ Ментик – короткая гусарская куртка с меховой опушкой, с пуговицами в несколько рядов, со шнурками и петлями. Ментик зимой носили поверх доломана, а летом накидывали на левое плечо (удерживался ментик в таком положении шнурами, проходившими под мышкой правой руки). Доломан – короткая (до талии) однобортная куртка со стоячим воротником и шнурами, поверх которой на-

Аглая, конечно, Льва никогда в глаза не видела, да и видеть его было ей негде, но вот однажды – случилось это минувшим летом – Наташа отправилась на чай к своей московской подруге. Приглашена была также и Аглая, которую Шурочка Лунина – так звали подругу – знала с детских лет и которую искренне любила. Девушки уединились в саду и принялись болтать. Как водится, перемысли косточки Льву Каменскому и еще некоторым известным повесам, его сослуживцам, но Шурочка вдруг жарко покраснела, когда прозвучало имя конногвардейца Никиты Лескова.

– Пронзил тебя стрелой прекрасный Купидон? – насмешливо спросила Наташа, и Шурочка со вздохом призналась, что да, Никита ей очень по нраву, однако не знает, по нраву ли ему она! К тому же он небогат, хотя и из хорошей семьи, а отец с матерью вечно твердят, что отдадут ее только за богатого и серьезного человека.

«За какого-нибудь Селадона²⁴?» – сочувственно подумала Аглая, начитанная во французской литературе, ибо книги, как уже было сказано, составляли, в отсутствие Наташи, ее главное развлечение, но в эту самую минуту за садовой оградой раздался вдруг странный шум. Затрещали деревья, и можно было подумать, что из прилегающей рощицы валит толпа медведей!

девали ментик. Чакчиры – гусарские форменные рейтузы, украшенные галунами и шнурами. Галуны – нашивки из золотой тесьмы на форменной одежде.

²⁴ Персонаж французского пасторального романа «Астрея» Оноре д'Юфрэ; в русской культуре – пожилой волокита.

Вспугнутые девицы метнулись к дому, однако через несколько шагов замерли, изумленные, поскольку из рошницы донеслись вдруг звуки настраиваемых скрипок, а потом раздалось что-то вроде мелодии. Опасаясь приблизиться к ограде, барышни поднялись на галерейку, откуда просматривалась округа, и открылась им удивительная картина!

Несколько деревьев, стоявших поблизости к ограде, были, словно диковинными сверкающими птицами, усажены несколькими гусарами. Один пиликал на скрипке, другой играл на мандолине, третий – на флейте, четвертый трубил в трубу, а пятый, забравшийся выше прочих, не играл ни на чем, а просто смотрел на окна дома Луниных.

– Ах, – схватила за сердце Шурочка, – это он! Никита Лесков!

Увидев на галерейке Шурочку, Никита просиял, замахал ей – и вдруг запел достаточно громко, чтобы перекрыть звуки оркестра:

– Ах, прекрасное создание,
Я готов к твоим ногам
Пасть, и в этом состоянье
Я за вас всю жизнь отдам!

При всей чувствительности сцены качество первого куплета серенады оказалось таково, что не только Шурочка и ее гости покатались со смеху, но и музыканты начали хохотать. Сам Никита, видимо, тоже понял, сколько нелепостей

умудрился соединить в четырех строках, и так смутился, что выпустил из рук ветку – и сорвался вниз. На счастье, стоявший веткой ниже гусар проворно сунул за пояс трубу, на которой играл, и поймал Никиту. Помог ему утвердиться на ногах, а затем приказал громко:

– Пой же дальше!

Никита прокашлялся и продолжил:

– Для любви мы все готовы
Наши жизни не щадить,
И лишь ваши мы оковы
Рады без стыда носить!

Видимо, не надеясь больше на свои поэтические способности, Никита завершил серенаду строфой известного в гусарской среде стихотворца Митина, а поскольку сей поэт был любим и военной, и статской молодежью тех лет, оркестранты побросали инструменты и разразились аплодисментами, искательно глядя на тех, ради кого, собственно, старались.

Из слушательниц, впрочем, присоединилась к ним только Наташа, которая тоже хохотала от души. Шурочка от смущения закрыла лицо руками, не вполне понимая, радоваться ей надо оттого, что Никита признался в чувствах, или смущаться, поскольку это было сделано во всеуслышание. Аглая же стояла будто громом пораженная, не сводя глаз с того гусара, который поймал падающего Никиту.

В жизни она не видела такого красавца! Темные волосы

небрежно вились вокруг лица. Чертами и сложением он мог бы соперничать с Аполлоном Бельведерским. А его черные глаза сияли, как показалось девушке, ярче солнца. Когда эти поразительные глаза на миг обратились на Аглаю, ей почудилось, будто золотые солнечные нити обвили ее тело, вселяя в него блаженство и истому. Сердце щемило от восторга, доходящего до исступления! Она знала, что согласилась бы всю жизнь смотреть в эти глаза, но тут кто-то из гусар вскрикнул:

– Каменский! Пора играть отступление! Приближаются превосходящие силы противника!

В самом деле, из ворот выскочила дворня, предводительствуемая отцом Шурочки, который, видимо, счел серенаду оскорбительной для дочери. Лунин держал в руках пистолет, который, судя по его виду, мог помнить еще баталии при Азове или под Нарвой²⁵, а слуги были вооружены домашней утварью: метлами, кочергами и лопатами.

Трубач, впрочем, успел сыграть несколько тактов отбоя, прежде чем сорвался с дерева вместе со своими товарищами. Донесшийся топот подсказал, что музыканты прибыли сюда верхами – и верхами же удирают теперь от погони.

Вскоре Лунин поднялся на галерею и принялся было бранить дочь, которая дает повод к таким неприличным изъяснениям чувств, однако посмотрел на неудержимо хохочущую Наташу – и сам принялся хохотать, а вскоре к ним при-

---

²⁵ Сражения времен Петра I.

соединилась и совершенно счастливая Шурочка, понявшая, что отец не слишком гневается на Никиту. Только Аглая по-прежнему стояла замерев, прижав руки к груди, ощущая блаженную и в то же время мучительную боль в сердце, которое только что было пронзено стрелой любви.

Каменский... Лев Каменский... Так вот он какой! Красивый и ловкий, яркий и смелый!

Теперь Аглая прекрасно понимала всех красавиц, которые гонялись за Каменским и компрометировали себя. Она и сама готова была бы на все, лишь бы пленить его сердце, настолько оглушила, подавила и в то же время возвысила ее эта внезапно обрушившаяся на нее любовь. Это было необъяснимо, это было, наверное, неразумно... это было как в стихах Карамзина, которого она любила:

Одна любовь в любви закон,
И сердце в выборе не властно:
Что мило, то всегда прекрасно!

Аглая упивалась своим сердечным восторгом, но очень скоро на смену счастью пришла боль. Кто он – и кто она?! Да Каменский и не взглянет на нее никогда!..

К слову сказать, публичное объяснение в чувствах считалось в те времена событием, юную девицу компрометирующим, а потому Никита Лесков немедленно сделал предложение, которое было, само собой, принято: Шурочкой с радостью, а ее родителями с некоторым скрежетом зубным, но

все же вполне благосклонно. В числе друзей жениха был Лев Каменский, в числе подружек невесты – Наташа, и их соседство доставило Аглае немало мучительных минут. В тот день она увидела Льва второй раз – стоя в толпе зрителей у ступеней старой, еще царицей Натальей Кирилловной Нарышкиной²⁶ построенной церкви Вознесения на Большой Никитской, где происходило венчание. Никита вскоре после венчания вышел в отставку, а Лев уехал в Санкт-Петербург, и почти год Аглая совершенно ничего о нем не знала. Ей было только одно утешение – молиться и надеяться на Бога.

Разумеется, она молчала о том, что влюбилась, молчала о том, кем пленилось ее неопытное, но дерзкое сердце, и даже Наташа не подозревала об этом. Аглая не призналась подруге потому, что ей было невыносимо слышать даже одно недоброе слово о человеке, пленившем ее разум и душу, а Наташа, конечно, принялась бы чернить его, как не раз бывало раньше.

Но... но теперь-то что? Неужели теперь Наташа должна стать женой Каменского, которого она не любит, но которого любит Аглая?!

– Да ведь граф Михаил Михайлович Льва презирал, что же он так переменялся? – вскричала она в отчаянии. – И граф же знает, что ты Каменского терпеть не можешь! Как

---

²⁶ Имеется в виду вторая жена царя Алексея Михайловича, мать Петра Великого.

же он решил тебя за него выдать?

– Именно потому, что я его терпеть не могу! – простонала Наташа, которая была слишком огорошена свалившимся на нее несчастьем, чтобы заметить, в каком отчаянии подруга. То есть она это заметила, но отнесла на счет сочувствия себе. – Он решил наказать меня за Филиппа!

– Граф узнал про Филиппа?! – всплеснула руками Аглая. – Но как?!

– Да я сама виновата. Потеряла одно письмо Филиппа, как последняя дурочка. И надо же было случиться, чтобы его нашла тетушка Зинаида Михайловна! Мигом передала, конечно, отцу. Теперь будет стеречь меня, как цербер, на субботнем маскараде у Прокошевых...

– В субботу маскарад у Прокошевых? – удивилась Аглая. – Ты мне не говорила.

– Да я и сама об этом не знала! – отмахнулась Наташа. – Отец позабыл мне сказать о приглашении, хотя дал за меня согласие присутствовать. Он был занят только тем, что со старшим Каменским сносился. Тот давно прочил своего сыночка за меня, да отец все отнекивался. А узнав про Филиппа, как с ума сошел. Чем, говорит, за бесчестного да нищего шалопая пойдешь, лучше отдам тебя за шалопая богатого да властью обласканного! А Филипп никакой не бесчестный! И ничуть не шалопай!

И она залилась горячими слезами.

Филипп Пущин и Наташа были знакомы с детских лет. Дело в том, что отец Ильи Капитонова служил в одном полку и с Василием Пушиным, отцом Филиппа. Состояние Пушиных, конечно, было несравнимо с Игнатьевским, поэтому именно граф Игнатьев принял осиротевшего Илью в свой дом. Ну и госпожа Метлицына сыграла свою роль, конечно. Однако Василий Пущин продолжал следить за воспитанием и учебой Ильи, часто приглашал его к себе, да и Филипп частенько навещал Илью и постепенно стал своим человеком в доме Игнатьевых. Наташа не помнила того времени, когда не любила бы Филиппа, а он не любил бы ее. Любовь их выросла из детских лет и повзрослела вместе с ними. Они не говорили о своих чувствах – просто знали о них, и мысль о том, что со временем они станут принадлежать друг другу, была для Филиппа и Наташи неоспорима и естественна.

Со временем Филипп так же, как и Илья, поступил на службу в архив Коллегии иностранных дел. Но поступил он туда не по протекции Зинаиды Михайловны Метлицыной или кого-то другого, а всего добился своим умом, получив прекрасное образование и закончив университет. К работе в архиве Филипп относился отнюдь не спустя рукава. Знал он не только иностранные языки, но умел прочесть и письма, документы, написанные старыми уставами и полууставами, что для большинства архивных юношей было делом немыслимым. Назвать его петиметром или фасонаблем²⁷ ни у ко-

---

²⁷ Щеголем, модником, рабским подражающим всему французскому (*устар.*).

го язык не повернулся бы, да ему и не нужно было тшиться наряжаться: он был из тех счастливииков, кому идет всё, кто в любой одежде выглядит привлекательно и элегантно, а когда кто-то из коллег вдруг посмеивался над его простым платьем, Филипп рассказывал о государе Александре Павловиче, который надевал шелковые чулки только к бальным туфлям, а в обыденной жизни предпочитал онучи²⁸ из тонкого полотна.

Филипп дружил с теми, кто составлял цвет московской аристократической молодежи, и был вхож во многие самые известные дома. Однако, к несчастью, со временем отец его разорил семью игрою в карты и пьянством, что и свело его в могилу. Он оставил Филиппа и его мать почти без средств. Теперь они жили только на жалованье Филиппа, и госпожа Пущина, которая, к несчастью, от постигших семейство бедствий несколько тронулась умом, не стеснялась провозглашать направо и налево, что их дела может поправить только брак Филиппа с богатой невестой. Она доходила до того, что даже спрашивала, кого знакомые могут присоветовать. Дескать, не засиделась ли у кого из состоятельных людей дочка в девках по причине того, что черти на ее личике горох молотили, или, к примеру сказать, не находится ли она в последнем градусе чахотки? Так ее Филиппушка, дескать, не погнушается и на такой жениться...

---

²⁸ Онучи – тонкие полотняные портянки, охватывающие ногу особым образом от подошвы до колена.

Разумеется, охочая до сплетен Москва, где все всё про всех знают, с удовольствием подхватывала и разносила эти слухи. Кто хорошо знал Филиппа, в это не верил. Но таких было мало. И на фоне этих слухов попытка Филиппа просить руки Наташи, конечно же, наткнулась на решительный отказ графа Игнатьева. Это на Филиппа «тонко» намекал он, когда упоминал о каких-то безденежных искателях богатого приданого. Графу и в ум не восходило, что Наташа могла быть влюблена в Филиппа, да и вообще у него не укладывалось в голове, что у дочери имеются свои планы относительно собственного будущего. По его мнению, женщины ни о чем не способны судить здраво и должны получать решения всех трудных вопросов от отцов и мужей.

– Меня теперь из дома до маскарада ни на шаг не выпустят, – вздохнула Наташа. – А как бы мне хотелось с Филиппом повидаться! Но ему туда путь заказан.

– Но ведь на маскарад под масками ходят, – слабо улыбнулась Аглая. – Кто же мешает Филиппу появиться в каком-нибудь диковинном образе?

– А приглашение где взять?! Ему приглашения не пошлют, я это точно знаю. Батюшка расстарался, подговорил Прокошевых! Да и если даже Филипп туда каким-то хитрым образом проникнет, ко мне ему будет не подойти. Отец обещал сообщить Льву, в каком я буду наряде. Я обязана буду танцевать только с ним, как положено невесте.

– Но вы еще не обручены! – с трудом выговорила Аглая. –

Никто ведь не знает, что вы жених и невеста!

– Вот заодно и узнают, – мрачно буркнула Наташа. – Ах, если бы мне вместо маскарада с Филиппом встретиться! Он тайно венчаться предлагал, да я не решалась. А теперь решусь, вот ей-богу решусь! Доведет меня батюшка своими придирадками!

– Ох, Наташа, не усугубляй горестей! – покачала головой Аглая. – Может быть, граф Михаил Михайлович еще и передумает. Ты же зеница его ока. Лучше было бы, чтобы он тебе и Филиппу дал свое благословение. А то в самом деле – и жить не на что будет, и на супруга навлечешь несчастья. Еще со службы его погонят... Тогда как? А ведь у него еще и мать хвора! Нет, нельзя отца злить. Надо что-нибудь придумать, чтобы он вам дозволил венчаться законно. Вот хорошо было бы, чтобы Лев от тебя сам отказался. Или для тебя это зазорно?

– Я бы Господа и Пресвятую Богородицу за это благодарил! – страстно крикнула Наташа. – Да ведь не откажется он. Если только совсем голову потеряет. Но от кого?..

Аглая молча смотрела на нее.

«Я бы жизни не пожалела, только бы он от меня голову потерял!» – чуть не вскрикнула она. Но Наташа, погруженная в свои беды, на счастье, не дала подруге высказать то, от чего горело ее сердце, а страдальчески простонала:

– Умру, ну просто умру, если не повидаюсь с Филиппом!

Нам надо решить, что делать!

– А хочешь, я вместо тебя на маскарад пойду? – неожиданно бухнула Аглая – и у нее даже дыхание перехватило от собственной смелости.

Наташа ошалело уставилась на нее. Аглая робко улыбнулась, ожидая, что подруга сейчас поднимет ее на смех, однако Наташа всплеснула руками – и бросилась ей на шею.

– Душенька моя! – бормотала она, расцеловывая Аглаю. – Какая ты добрая, какая смелая! Какое счастье, что ты у меня есть! Неужели ты это ради меня сделаешь?! На такой риск пойдешь?

– Да я ради тебя на все готова! – искренне ответила Аглая, умолчав, впрочем, о том, что на этот риск она готова пойти прежде всего ради себя и ради своего неистового, любящего, страдавшего от любви сердца.

Но вот прошел первый порыв исступленного восторга, и Наташа, утерев слезы радости, взглянула на подругу озабоченно:

– Но как же мы все сладим?

– Я пока не знаю, – честно ответила Аглая. – Но сладим обязательно!

Глава четвертая

Маскарад

«...Может быть, он все понял? – с ужасом думала Аглая. – Может быть, он догадался, что я – это не я, то есть что Наташа – это не Наташа? Оттого и не подходит ко мне? А мы-то думали...»

Они-то думали, что самым трудным будет обвести вокруг пальца тетушку Зинаиду Михайловну, которой предстояло сопровождать Наташу на бал! Однако от вовремя поднесенной рюмочки вишнепочки, потом другой, а потом и третьей госпожу Метлицыну стало немедленно клонить в сон, и она придремнула в первом попавшемся кресле в парадном вестибюле около главной лестницы.

Тем временем Наташа закатила немалый скандал, прокричав, что ни на какой бал она не поедет, что маскарадный костюм могут отнести обратно в мастерскую, где его шили, что в этом доме хотят ее несчастья, если норовят выдать за человека, к которому она не питает ни малой склонности, который ей до такой степени мерзок, что с ним не только жизнь прожить, но даже тура вальса делать не хочется. Сцена была рискованная, однако цели своей достигла. Граф мигом вспылил и пригрозил Наташе вместо бала отправить ее

в полицейскую часть для порки. У самого у него рука не поднимется, а наказание в участке она навек запомнит! На миг проснувшаяся Зинаида Михайловна хихикнула, слегка заплетающимся языком поддержала брата и снова задремала в своем удобном креслице.

Между прочим, угроза эта была вполне обыденной. Дворяне посылали в часть провинившихся слуг, купцы и мещане – непочтительных и непослушных сыновей, а то и дочерей. Пока, правда, никто не слышал, чтобы в части выпорол графскую дочь, ну и Наташе, конечно же, совсем не хотелось сделаться первой и быть ославленной на всю Москву. Поэтому ей пришлось смириться. Она кинулась в свою комнату, преувеличенно громко рыдая и крича, что на бал, так и быть, поедет, однако ни словечка больше не скажет ни отцу, ни тетушке, если они задумали ее погубить.

Граф окончательно вспылил и, крикнув в ответ, что даже и провожать ее не выйдет, заперся в своем кабинете.

Все это время Аглая, уже одетая в сшитое для Наташи новое – его лишь час назад принесли от портнихи – маринное домино²⁹, простенькое, но вместе с тем благородное, стояла за дверью, готовая выйти на сцену и сыграть свою роль. Девушки были одного роста, похожего сложения, обе русоволосые, вот только волосы у Аглаи чуть курчавились на вис-

---

²⁹ От *франц.* marine – морской; маринный цвет – морской волны. Домино – маскарадный костюм, длинное одеяние с рукавами и капюшоном, чаще в виде свободного плаща, но иногда выглядывшее как приталенное платье с пышной юбкой и капюшоном.

ках, поэтому пришлось туго забрать их заколками. Впрочем, их должен был прикрыть капюшон. Глаза у них тоже были похожи – у обеих серые, разве что у Аглаи гораздо светлее, отчего они легко перенимали цвет платья, которое она надевала, поэтому сейчас отчетливо отливали зеленью. Но когда она скрыла лицо бархатной маской, отороченной кружевом, глаза потемнели, и теперь от Наташиных их было не отличить.

Тем временем Наташа схватила большой клетчатый платок, в котором Аглая обычно выходила из дому по мелким поручениям или каким-то хозяйственным делам, не требующим нарядности, и набросила его так, что ее голова и наполовину фигура оказались скрыты. Платье на ней тоже было Аглаино, так же как и башмаки. Ну а Аглая была обута в Наташины бальные туфельки из голубовато-зеленого атласа – в цвет домино – с такими же лентами, охватывающими щиколотку. Подметка туфелек была изготовлена из столь тонкой черной кожи, что и шаг ступить по улице, даже и мощеной, а таких в Москве было раз-два и обчелся, оказывалось весьма чувствительно. Только спуститься по лестнице, да скоренько выскочить на крыльцо, да прыгнуть в повозку, а потом проделать тот же путь, только в обратном порядке, чтобы попасть в бальную залу. Впрочем, туфельки, при всей своей subtilности, вполне могли выдержать вечер, а то и ночь самого неистового общения с паркетом бальной залы, ну а если бы порвались завязки, с собой в сумочке у Зинаиды

Михайловны лежала запасная пара башмачков, точно таких же, как первые. Конечно, Аглая надеялась, что как-нибудь обойдется одной парой, потому что любой разговор с Зинаидой Михайловной мог ее выдать. Правда, сопровождающие девушек почтенные дамы обычно щедро угощались сладостями и сладкими винами, так что иногда, наоборот, именно опекаемым в конце бала приходилось заботиться об опекунах. На это Аглая тоже сильно рассчитывала.

Но до конца бала еще далеко. Он даже не начался еще! А пока...

«Обманем тех, кто достоин быть обманутым!» – снова вспомнила Аглая своего любимого Карамзина. Они с Наташей переглянулись, быстро перекрестили друг дружку, вышли в коридор, еще раз взволнованно переглянулись – и разбежались в разные стороны: Аглая, опустив на лоб капюшон и уповая на то, что кружевная оторочка маски прикрывает ее губы, побежала к парадной лестнице, где разомлевшую Зинаиду Михайловну вынимал из кресла слуга, ну а Наташа кинулась к черному ходу и через сад, окольным путем, выскочила на круговую дорогу, где ее ждал в наемной карете Филипп, который, с тех пор как прочел письмо, переданное ему Аглаей, никак не мог поверить в счастье столь долгого свидания: ведь Наташа должна была вернуться домой не раньше Аглаи, а это значило – через два или три часа. Море времени для двух влюбленных, которым раньше приходилось встречаться лишь урывками! Правда, на сердце Филип-

па лежала темная тень, и счастливые предвкушения встречи мешались в его мыслях с дурными предчувствиями вечного прощания...

В заговор подруг был посвящен единственный человек в доме: помощник буфетчика Дроня. Он должен был открыть Наташе двери и калитку в заборе, а потом стеречь ее возвращение. Дроня был обязан Наташе и Аглае если не жизнью, то целостью шкуры – уж точно. Год назад подруги спасли его от жесткой порки в полицейской части, а главное – от высылки в графскую подмосковную, где его непременно забрили бы в рекрутчину. Подвел Дроню под монастырь неудачливый ухажер все той же Лушки: лакей Минька. Он нарочно пролил масло в коридорчике, которым Дроня должен был нести графу и его гостям поднос, уставленный графинчиками с наливками, а также рюмками. Поднос был преизрядный, добра на нем стояло не меньше, чем на сотню рублей, однако, будь ты хоть скоморох из ярмарочного балагана, не удержаться тебе на ногах, ступив на щедро намащенный пол. Не удержался и Дроня – шлепнулся, поднос уронил, дорогую посуду побил, вино пролил, и причитай не причитай по поводу масла на полу, графа разгневанного не умилоставишь! Однако – по чистой случайности! – Аглая видела, как Минька пол маслил. Она и заступилась за Дроню перед Наташей, она и умолила подругу броситься к отцу и спасти несчастного парня. В результате в часть на порку, а потом и в подмосковную от-

правился зловредный Минька, ну а Дроня с тех пор не только двери бы в неурочный час для барышень Натальи Михайловны и Аглаи Петровны открыл или закрыл, но и жизни бы своей ради них не пожалел!

К счастью, этого пока от него не требовалось, а что требовалось, он исполнил.

Аглая была так взволнована, что плохо осознавала происходящее. Словно во сне, промелькнула дорога до дома Прокошевых: цокали копыта, похрапывала, то и дело вскидываясь и что-то бормоча, Зинаида Михайловна, мимо пронеслись другие повозки, доставлявшие причудливых персонажей, которые тоже спешили на маскарад... Но вот прибыли; один из лакеев, встречавших гостей, подал руку легко выскользнувшей из кареты Аглае, другой помог выгрузиться Зинаиде Михайловне; хозяева, встречающие гостей, приветливо улыбнулись обеим, уверенные, что рядом с госпожой Метлицыной идет под маской Наташа Игнатьева (на обычном балу их прибытие было бы громогласно объявлено, однако на маскарадах инкогнито, насколько возможно, блюлось, так что увеселения эти словно нарочно были созданы для интриганов и авантюристов... авантюристок тож!)... И вот уже двери бального зала распахнуты, и музыка оркестра, стоявшего на хорах, словно накрывает Аглаю волшебными звуками, и в глазах все начинает мелькать при виде кружащихся в вальсе пар, и высокий гусар в полумаске склоняется

перед ней, приглашая на танец, и сердце ее падает, замирает, а потом начинает биться ровнее, потому что это оказывается не Лев Каменский, а какой-то незнакомый военный.

Кавалер, впрочем, вальсировал изрядно, и Аглая всецело отдалась наслаждению танца, однако успевала окидывать взглядом залу, пытаясь увидеть того, по кому она томилась уже почти год, и не сомневаясь, что он вот-вот окажется рядом. Но лишь только закончилась мелодия, Аглаю увлек в круг другой гусар, и это снова был не Лев, потом третий и четвертый... казалось, все присутствующие в зале военные стоворились непременно потанцевать с маской в домино маринового цвета, но Аглая, как ни кружилась все-таки ее голова в крутых поворотах, как ни сбивалось в пробежках и стремительных глиссадах дыхание, все же мгновенно чувствовала, что это опять не Лев заключает ее в свои объятия. Самое удивительное, что, ни разу не быв в его объятиях, она не сомневалась, что узнает их немедленно... однако судьба к ней пока что не благоволила.

Поскольку на этом маскараде не присутствовали ни государь-император, ни члены фамилии, ни высокопоставленные сановники, ни представители высшей аристократии (на него, конечно, были приглашены только дворяне, но многие даже без титулов), да и вообще Москва была куда свободней от светских условностей, чем Северная столица, устроители этого маскарада позволили себе отойти от обычного распорядка, когда бал непременно начинался полонезом, затем

следовали мазурки, котильоны и непременно устраивались кадрили. На этом маскараде прежде всего и почти исключительно кружились в вальсе, самом любимом танце этого времени, неистово ворвавшимся в моду. Играли, конечно, и чтимую многими мазурку, однако вальс воистину царствовал. В памяти многих из присутствующих в зале еще были живы годы, когда покойный император Павел Петрович этот танец настрого запретил, а вновь сделал его королем балов государь-император Александр I, который считался одним из лучших танцоров эпохи. Казалось, неистово кружась, проходя тур за туром, танцоры стремятся вознаградить себя за те годы, когда балы казались скучны и однообразны без вальса, а может быть, они смутно предчувствовали, что вскоре настанет время, когда будет не до танцев – не только не до вальса, но и не до танцев вообще! – потому что война, которую все ждали, но в возможность которой все же не хотели верить, уже стояла на пороге. Всем было известно, что Наполеон сосредоточил на границах России около 640 тысяч солдат, причем французы составляли только половину армии, а остальная ее часть была укомплектована поляками, итальянцами, немцами, австрийцами и прочим «европейским сбродом», как писали патриотически настроенные газеты.

Впрочем, сейчас мысли об этом были отогнаны прочь! Чудесная музыка Гуммеля, Моцарта, Гайдна стремительными наплывами будоражила сердца, мягкими пассажами успокаивала смятенный разум и бурными переливами вновь кру-

жила головы...

Это был маскарад-домино, однако лишь для дам. Кавалерам следовало являться в масках, но в мундирах (военным), во фраках или сюртуках (статским), однако даже офицерам предписывалось танцевать только в бальных башмаках. Дозволялось нарушать это обычное правило разве что в провинции, да еще война заставит его нарушить... но это время еще слегка сквозило в дымке будущего, а нынче казалось и вовсе неразличимым.

Дамские домино оказались самых разнообразных фасонов и покроев: как глухими, строгими, скучными, так и весьма кокетливыми: некоторые были даже с открытыми шеями и весьма откровенными декольте, лишь слегка декорированными кружевом. Особенное внимание привлекала одна дама в домино моднейшего цвета мордорэ³⁰ и золотой маске. Локоны огненно-рыжего цвета падали из-под капюшона на ее точеные плечи, слегка припудренные золотистой пудрой. Приличия диктовали дамам делать для бала строгие прически с забранными наверх волосами, так что эти рыжие локоны выглядели столь же вызывающе, как декольте дамы и ее золотистая пудра. Однако Аглая ненадолго задержалась взглядом на незнакомке – гораздо более пристальное внимание ее привлек кавалер рыжеволосой особы: высокий темноволосый гусар, чьи черные глаза так и сверкали в прорезях мас-

---

³⁰ От *франц.* *maure doré* – *букв.* позолоченный мавр; красно-коричневый цвет с золотым отливом.

ки. Огоньки свечей огромной люстры сияли на золоте, украшавшем его доломан.

У Аглаи на миг остановилось сердце.

Вот он! Вот он! Просто удивительно, что Аглая не замечала его раньше, ведь его окружает сияние, подобное солнечному. Здесь такая толпа, столько народу, к тому же она танцует беспрерывно, ей не до того, чтобы разглядывать окружающих. Или Каменский только что появился? Сейчас кончится танец, и Лев подойдет к своей невесте... вернее, к той, кто исполняет роль его невесты!

Восторг от того, что она вот-вот окажется в объятиях любимого, заставил ее счастливо засмеяться, и пятый, а может быть, и шестой гусар, с которым Аглая вальсировала, взглянул на нее внимательнее:

– О, кажется, вам нравится вальсировать со мной, графиня Наталья Михайловна?

Тотчас испуганное «ох!» сорвалось с его губ: ведь на маскараде считалось верхом неприличия указывать маске, что ее инкогнито открыто. Кавалер даже сбился с такта, однако тотчас восстановил каданс.

Впрочем, Аглая не собиралась спускать ему промах и резко спросила:

– Вы меня знаете? Откуда?

– Да мы с вами уже танцевали, – забормотал гусар, отводя глаза, – ну и я не мог не запомнить чарующую легкость ваших движений.

Аглая легкой улыбкой оценила комплимент, слишком вычурный, чтобы быть естественным, и, несомненно, почерпнутый из каких-нибудь стихов. Однако она не намерена была отставать:

– Когда же мы танцевали?

– Н-на Святках, кажется... – пробормотал гусар.

– Этого не может быть, – качнула головой Аглая. – На Святках я была больна и пропустила гулянье. Возможно, на Масленицу?

– Да-да! – обрадовался гусар. – Конечно!

– У Савельевых? – обманчиво ласково подсказала Аглая.

– Да-да! – снова закивал гусар.

Со своим удивительным простодушием он оказался легкой добычей! Однако его сбивчивая болтовня наводила на размышления... Аглая прежде не посещала балов, так что оценить «чарующую легкость ее движений» гусару было просто негде. С Наташей он совершенно точно не мог танцевать ни на Святках, ни на Масленице: она оба эти праздника проболела; кроме того, Савельевы, сколь было известно Аглае, не давали балов в этом году из-за траура, который вынуждены были надеть по одной из своих родственниц. Выходит, этот гусар точно знал, что под домино Мариногового цвета должна скрываться именно молодая графиня Игнатьева. Но откуда? Откуда он мог это знать? Кто-то сказал ему... но кто?!

«Отец обещал сообщить Льву, в каком я буду наряде», –

всплыли в памяти Аглаи слова Наташи. А потом она тоскливо добавила: «Я обязана буду танцевать только с ним, как положено невесте».

Забавно... А что, если Льву так же не хотелось танцевать со своей невестой, как и Наташе с женихом? Что, если Каменский хочет танцевать только с этой дамой в домино мордорэ? Что, если, узнав от графа Игнатьева о том, как будет одета Наташа, он сообщил об этом всем своим друзьям, чтобы они отвлекли от него внимание нелюбимой особы? Понятно, что он не горит желанием жениться на Наташе, однако не в силах или не хочет нарушить волю отца. Он обвенчается с графиней Игнатьевой, но не намерен ради нее нарушать своих вольных холостяцких привычек и отказываться от привычных удовольствий...

Эти мысли промелькнули мгновенно, однако это были лишь догадки, которые следовало подтвердить или опровергнуть.

– А не думаете ли вы, сударь, – кокетливо обратилась она к своему кавалеру, – что если вы знаете мое имя, то и я должна узнать ваше?

– Меня зовут Вася... то есть Василий Шацкий. Корнет Шацкий к вашим услугам, – сбивчиво представился гусар, испуганно стреляя глазами по сторонам: не слышит ли кто, как вопиюще он нарушает правила маскарада?

– Ах, сдается мне, я вас тоже видела раньше! – с наигранной радостью сообщила Аглая. – Не участвовали ли вы в той

прелестной серенаде, которую Никита Лесков год назад исполнял перед окнами Шурочки Луниной?

– Да! – гордо сообщил простодушный Вася Шацкий. – Я там был и играл на флейте. А потом присутствовал во время венчания Никиты и Александры Александровны Луниной.

Именно во время венчания корнет Шацкий мог видеть молодую графиню Игнатьеву, которая была среди подружек невесты, однако у него не хватило сообразительности увязать эти два события, и Аглая утвердилась в мысли, что на маринное домино указал Васе Шацкому сам Лев Каменский, уверенный, что в этом домино явилась на маскарад его нелюбимая невеста.

– Я вас сразу узнала, – обворожительно улыбнулась Аглая. – Вы, видимо, близкие друзья с господином Лесковым и господином Каменским?

– О да! – гордо заявил Вася. – Мы просто не разлей вода, особенно с Каменским!

– И, конечно, те господа гусары, которые вальсировали со мной перед вами, тоже его друзья? – спросила Аглая.

– Еще бы! Самые близкие! – воскликнул Вася. – Самые преданные!

– Похоже, – проворковала Аглая, – на этом балу Каменский беззастенчиво воспользовался вашей преданностью!

– Как это? – удивился наивный корнет.

– Да так, что очень просто! Ведь это по его просьбе вы отвлекали меня вальсами, чтобы предоставить возможность

моему жениху танцевать с той рыжей дамой в мордорэ? – резко спросила Аглая.

От столь резкого перехода от пряника к кнуту Вася Шацкий даже с ноги сбился, и Аглае пришлось взять на себя роль ведущей в цепочке поворотов, пока корнет пытался очухаться и совладать с изумлением, а также со своими заплетающимися ногами.

Наконец они снова оказались лицом к лицу. Можно было ожидать, что Вася начнет отнекиваться и отвираться, однако он молчал, зато безудержно покраснел, и руки его просто ходуном ходили.

– Простите, – наконец выдавил Вася. – Простите, Наталья Михайловна! Не думайте, что мне это нравится! Я был против!

Аглая с трудом удержалась от смеха, но тотчас решила, что эти слова, наверное, показались бы оскорбительными Наташе, а потому старательно насупилась:

– Вы были против того, чтобы танцевать со мной?!

– Ах нет, графиня, – забормотал смущенный Вася, – что вы! Я счастлив, что мне выпала такая честь! На обычном балу вы, вполне возможно, не удостоили бы меня вниманием, а тут Лев уверил, что, если мы не дадим вам передышки и станем приглашать один за другим, вы просто не успеете нас толком разглядеть и не откажете, боясь нас обидеть.

– Приглашать один за другим... не дать передышки... – задумчиво повторила Аглая. – Значит, я была права?! Он так

хотел уединиться с этой рыжей особой, что...

– Ах, простите, простите его, Наталья Михайловна! – чуть ли не вскричал Вася и вновь испуганно оглянулся, но, на счастье, звучащий в эту минуту «Вальс для зала Аполлона» Гуммеля изобиловал громкими пассажирами, которые заглушили неосторожное восклицание.

– Простите его, – повторил Вася, искательно заглядывая в глаза Аглаи. – Ах, как сердито сверкают ваши прекрасные глаза! Но если бы вы знали, насколько это опасная женщина – та, с которой танцует Каменский! К несчастью, она обворожительна... поистине обворожительна! Перед ней невозможно устоять, особенно если она... если она не скрывает своего расположения к мужчине и дает ему почувствовать это расположение. Вы понимаете?.. Ох, что я говорю! – снова сбился с ноги Вася. – Что я говорю невинной девице! Ах я болван! Ах я болтун! Ради бога, забудьте все, что я только что сказал, не выдавайте меня!

– Я вас ни за что не выдам, – медленно проговорила Аглая, – если вы окажете мне одну услугу.

– Все что угодно! – пылко воскликнул корнет. – Я сделаю для вас все! Клянусь! – Но тут же он спохватился, что эта клятва может оказаться для него не просто обременительной, но и непосильной, и с опаской спросил: – А о какой именно услуге идет речь?

– Да ничего в ней нет особенного, – усмехнулась Аглая. – Когда закончится этот вальс, я уйду немного передохнуть,

прежде чем явится очередной самоотверженный приятель господина Каменского. Пока меня не будет, вы должны отыскать Льва, заставить отойти его от этой дамы и засыпать меня похвалами. Понимаете? Вы должны петь дифирамбы моему танцевальному мастерству, уму, а также тонкому кокетству...

– Кокетству? – ошарашенно переспросил Вася.

– Да, именно кокетству! – сурово велела Аглая. – Вы должны сказать, что я совершенно вскружила вам голову.

– Но это правда, – вздохнул Вася. – И танцуете вы божеественно, и умны не по-дамски, и голову мне поистине вскружили. Ах, если бы я был не я, в смысле, если бы я не был другом Каменского и не чувствовал своего долга перед ним, я бы прямо сейчас, на этом бале, просил бы руки вашей! Я ведь тоже богатый наследник, а повесой меня никак не назовешь...

Вася был так умилительно наивен и простодушен до глупости, что этим можно было залюбоваться! Однако Аглае стало его искренне жаль.

– Кто знает, возможно, я могла бы быть счастлива с вами, когда бы сердце мое не принадлежало господину Каменскому, – грустно сказала она. – Все мое сердце, без остатка!

Вася чрезвычайно удивился и не смог этого скрыть, да и не старался, и, конечно, опять потерял каданс.

– Так, значит, вы любите Льва?! А ведь он уверял нас, что будущий брак ваш слажен родителями, а на самом деле

вы пылаете страстью к некоему архивариусу из Иностранной коллегии, – протянул он с нескрываемым презрением, которое все военные априори испытывали ко всем статским. – Я очень рад, что Каменский ошибался. Ведь тот, кого он полагал предметом ваших чувств, – человек совершенно без чести...

Теперь уже Аглая сбилась с ноги. Правда, музыка в это мгновение утихла, вальс закончился, и промах ее остался незамеченным.

Она готова была засыпать Васю расспросами, однако ее вот-вот мог перехватить очередной преданный друг Каменского, которому было предписано отвлекать невесту от жениха. К тому же, когда заиграет музыка, Лев, конечно, вновь пустится танцевать со своей дамой, от которой не отходил ни на шаг, и Вася не сможет к нему подойти.

– Корнет, идите к Каменскому! – прошипела Аглая, пытаясь улыбнуться. – Расхваливайте меня напропалую, но не вздумайте брякнуть ему о моей любви к нему! Вы поняли?!

– П-понял, – пролепетал Вася, который от волнения начал заикаться. – Р-ревность, вы желаете п-пр-робудить его ревность! Да, это хорошая т-тактика! Ид-ду! Я был счастлив т-танцевать с вами!

– Я тоже! – ослепительно улыбнулась Аглая и ринулась вон из зала, пока ее не перехватил новый кавалер. Это был стройный гусар с очень светлыми, можно сказать, соломенными волосами, в доломане, как мельком отметила Аглая,

очень скромном, почему-то без роскошного шитья, которым блистала одежда прочих военных. Гусар уже направлялся к девушке, однако при ее поспешном бегстве замедлил ход и развел руками, как бы признавая свое поражение. Впрочем, он недолго оставался неприкаянным и скоро нашел себе даму.

В дверях Аглая оглянулась. Вася Шацкий, благослови его Господь, уже подошел к Каменскому и, расшаркавшись перед рыжей особой, начал что-то воодушевленно говорить приятелю.

Похоже, Лев не хотел, чтобы его дама слышала слова Шацкого. Он сделал извиняющийся полупоклон, а потом отвел корнета в сторону.

Аглая спряталась за портьерой, обрамлявшей дверь, и оттуда наблюдала за развитием событий. Она не слишком хорошо представляла себе, что намерена сделать. Сначала предполагалось, что Вася пробудит интерес Льва к невесте и тот захочет сам потанцевать с ней, а уж тогда... ну, Аглая еще не знала, что произойдет тогда, но надеялась хоть как-то пробудить интерес Льва к себе, оказавшись в его объятиях. Однако немедленно стало ясно, что либо задуманное ею оказалось наивным, либо Вася не слишком ретиво исполнил свою задачу: Лев слушал рассеянно, глаза его постоянно возвращались к рыжей в мордорэ, а губы кривились в недоверчивой ухмылке. Нет, что-то непохоже, что он воспылал желанием немедленно потанцевать со своей невестой!

Что же делать? Что делать?! Может быть, разыскать госпожу Метлицыну и пожаловаться, что жених не желает танцевать с невестой? Но нет – как бы ни была навеселе Зинаида Михайловна, она может заподозрить неладное, не узнав племянницу по голосу.

Неужели придется воротиться в зал, признав поражение, принять приглашение очередного самоотверженного друга-гусара и с болью в сердце наблюдать, как Лев прижимает к себе эту рыжую пакостницу, которая готова на все, чтобы привлечь внимание мужчин... причем, насколько поняла Аглая неуклюжие Васины экивоки, она ко всем добра, не только ко Льву?! Неужели она из тех, кого называют блудницами, гулящими и падшими женщинами, а то и еще хлеще?!

Сердце так и сжалось от ревности, Аглая едва сдержала стон. Ах, она возлагала на этот маскарад столько надежд, которые, увы, оказались несбыточными! Вместо исполнения желаний он принес лишь разочарования...

Ну что ж, спасибо хотя бы на том, что Наташа смогла встретиться со своим любимым Филиппом.

И тут Аглая даже вздрогнула от ужаса. Что имел в виду Вася, говоря о бесчестности Филиппа? И выспросить ничего не удалось! Как же не вовремя кончился вальс! Может быть, Филипп женат? Господи помилуй... Или за ним какое-нибудь преступление против чести? Растрата казенных денег? Хотя какие могут быть казенные деньги у архивного работника? Или он потерял какой-нибудь ценный древний доку-

мент? Да как, ну как выяснить это?!

Лев, конечно, знает, что случилось с Филиппом. И, если он будет уверен, что танцует с Наташей, он не сможет ее не предупредить о грозящей опасности. Или сможет? Или он будет только доволен, если она попадет в неловкую, а то и в позорную ситуацию?

Нет, предположить такое – значит счесть Льва подлецом...

Сердце так и защемило. Любовь разрывала его, любовь ко Льву, но и Наташу Аглая любила, Наташа была ее сестрой, родным ей человеком, и если ей грозит опасность, следует сделать все, чтобы эту опасность предотвратить!

Для этого нужно исполнить ту мечту, с которой Аглая явилась на бал: оказаться в объятиях Льва. Теперь уже не для того, чтобы в этих объятиях млеть и пытаться каким-то образом прельстить Льва, а для того, чтобы Наташу спасти!

Аглая топталась за портьерой, совершенно не представляя себе, что же делать дальше, как завладеть вниманием Льва, если он, поговорив с Васей, снова пригласит танцевать рыжую.

Броситься к нему через весь зал, отпихнув соперницу? Во-первых, фи, во-вторых, фи-фи, а в-третьих, Аглая просто не успеет добежать: ее перехватит очередной гусар. Не отбиваться же от него, не скандализироваться же!

И вдруг девушка заметила нечто, чему глаза ее даже не сразу поверили. Рыжая, бросив Льву, беседующему с Ва-

сей Шацким, кокетливую и в то же время извиняющуюся улыбочку, проследовала к укромной дверке, которая вела в непарадную часть дома и через которую частенько входили и выходили дамы, оставившие на несколько минут своих кавалеров, а потом вернувшиеся к ним.

Глава пятая

Коварство

Хоть Аглая и была у Прокошевых впервые, она знала, что на задах, как и в большинстве домов, находится ретирадник, куда и бегали, ах, пардон, облегчаться дамы. Наташа, хихикая от смущения, рассказывала, что у Прокошевых, которые устраивали балы очень часто, ретирадник большой и может вместить сразу нескольких посетительниц. Здесь на особом столике стояли наготове бурдалю³¹, а рядом поджидали две-три служанки, которые должны были помочь дамам ими воспользоваться, а потом мыли фарфоровые сосуды. Для кавалеров таких изысканных удобств предусмотрено не было: им предписывалось выходить на задний двор, в нарочно для этого поставленный накануне бала деревянный павильончик-ретирадник.

Между прочим, балы у Прокошевых были так популярны именно потому, что гостеприимные хозяева не только старались развеселить гостей, кормили досыта, поили допьяна, но и пеклись об их самочувствии и здоровье, а не вынуждали

---

³¹ От *франц.* bourdalou – название подкладного фарфорового судна изящной формы, которое появилось в обиходе в начале XIX в., переносная «дневная ваза». Бурдалю подсовывали под юбки в случае нужды. Отправляясь в путешествие, дамы брали их с собой. Особой популярности бурдалю достигли в эпоху кринолинов, однако ими пользовались в течение всего XIX в., а то и в начале XX.

терпеть невыносимые страдания весь вечер.

Аглая пустилась догонять рыжую блудницу. Та скрылась за дверью ретирадника. Аглая сбавила шаг, еще не зная, что намерена предпринять. Вдруг она увидела несколько умывальных кувшинов с водой, стоявших у стены. Видимо, их приготовили служанки для мытья бурдалю.

Аглая слегка приоткрыла дверь и заглянула в освещенный несколькими свечниками ретирадник. На удачу, рыжая оказалась там единственной посетительницей, и служанка тоже была одна.

Аглая отпрянула, схватила самый большой кувшин, от волнения не чувствуя его тяжести, и замерла за дверью, молясь, чтобы никто больше не появился, чтобы никакой даме не понадобилось именно сейчас посетить это уединенное местечко. И ей повезло: в тот миг, когда дверь ретирадника начала отворяться, коридор оказался пуст.

Как только рыжая особа ступила за порог, Аглая выплеснула ей в лицо воду – и с силой захлопнула дверь, заглушив истошный вопль соперницы и вынудив ее буквально ввалиться обратно в ретирадник, а сама кинулась наутек. Аглая ничуть не беспокоилась о том, что рыжая могла ее заметить: она просто не успела бы; к тому же коридор был темен, да и когда тебе в лицо плещут водой, вряд ли ты будешь особо внимательно присматриваться к тому, кто это делает.

Наверное, то, что она натворила, вполне можно было бы назвать «фи» и даже «фи-фи», поэтому, чтобы избавиться от

угрызений совести и укрепить свою решимость, Аглая принялась едва слышно бормотать модные стихи «Анакреона под доломаном», как называли в обществе поэта-гусара Дениса Давыдова:

Море воеет, море стонет,
И во мраке, одинок,
Поглощен волною, тонет
Мой заносчивый челнок.

Но, счастливец, пред собою
Вижу звездочку мою —
И покоен я душою,
И беспечно я пою:

«Молодая, золотая
Предвещательница дня,
При тебе беда земная
Недоступна до меня.

Но сокрой за бурной мглою
Ты сияние свое —
И сокроется с тобою
Провидение мое!»

Уповая на то, что звездочка удачи не сокроется за бурной мглою и еще хотя бы некоторое время будет благословлять даже самые дерзкие ее поступки, Аглая подбежала к дверям

залы, где как раз закончилась очередная мелодия, шмыгнула за портьеру, чтобы избежать встречи с другими дамами, которые веселой стайкой устремились к ретираднику, и принялась всматриваться в расходящиеся с паркета пары.

А вот и Лев! Стоит у окна; рядом по-прежнему топчется и что-то жарко говорит Вася Шацкий. Светловолосый гусар, который намеревался пригласить Аглаю танцевать, видимо, отчаялся ее дождаться и теперь увлекся болтовней с какой-то маской в вердепомовом³² домино. Рыжая блудница вряд ли осмелится появиться в зале в промокшей одежде, так что у Аглаи есть время, чтобы перехватить Льва! Аглая, призывая на помощь удачу, полетела по паркету легче тополиной пушинки, лавируя между людьми, стараясь ни с кем не столкнуться и стремясь достичь Льва, пока его внимание не привлекла еще какая-нибудь дама.

На счастье, Вася Шацкий заметил ее и дернул Льва за руку, чтобы тот повернулся к ней. Потом корнет деликатно скользнул в сторону. Аглая, впрочем, не видела, куда он подевался, – она видела только черные глаза Льва, устремленные на нее с непостижимым выражением.

«Лёвушка!» – подумала она с отчаянием и тихо всхлипнула оттого, что не суждено ей так называть его наяву – только в безумных мечтах.

– Позвольте пригласить вас на тур вальса, Наталья Михайловна, – проговорил Каменский, шагнув к ней навстречу

---

³² От *франц.* *vert-de-pomme* – светло-зеленый, цвет незрелых яблок.

и уже занося руку, чтобы обнять ее, даже не предполагая, что она может отказать.

«А вдруг Наташа отказала бы?» – испуганно подумала Аглая, но она была не Наташа, равнодушная к своему жениху, – она была безумно влюблена в этого человека, а потому рванулась ко Льву с таким пылом, что увидела, как дрогнули его ресницы в прорезях маски: он растерянно моргнул, – и на глазах Аглаи вдруг выступили слезы счастья. Эта *émotion*³³ Льва не была наигранной, она не касалась Наташи – она была вызвана Аглаей и принадлежала только ей! Девушка зажмурилась на миг, чтобы скрыть слезинки, и почти мучительно сладко ощутила руку Льва на своей талии, почувствовала, как он сжал ее пальцы, и шелк перчаток словно растаял от того жара, который вдруг вспыхнул в руке Аглаи, распространился по ее телу, заставил неистово заколотиться сердце – а потом передался Льву.

Да-да, Аглая не просто чувствовала, но знала это так же верно, как если бы он сам признался ей сейчас в своем волнении!

Что-то произошло... она не ведала этому названия, но всем существом своим ощущала, как накаляется и дрожит сам воздух между ними. Глаза Льва были полны изумления, он ловил каждый взгляд Аглаи, а она чувствовала себя несчастной, когда законы вальсовых фигур вынуждали их отвернуться друг от друга, и те мгновения, когда их взо-

---

³³ Эмоция (франц.).

ры оказывались разлучены, чудились им бесконечными. Это было чудо, это было, конечно, чудо... Аглае казалось, что она непостижимым образом передала Льву свои многодневные и многонощные мечты о нем, телесное томление по нему, которого она иногда стыдилась даже перед самой собой, не вполне понимая, чего жаждет и какова природа этой жажды. Преклонение перед Львом, восхищение его красотой, его веселой удалью, слухи о которой доходили до нее, желание знать о нем все, вообще все, даже то, что могло причинить ей боль, неистовый интерес к нему, составлявший стержень ее жизни, – чудилось, все это в один миг их первого соприкосновения стало ему понятно, тронуло его и вдохновило, заставило забыть обо всем на свете – так же, как забыла обо всем на свете Аглая, и если для нее сейчас не существовало никого ни в этом зале, ни в мире подлунном, кроме Льва, точно так же и для него существовала только она одна. Это волшебство, это очарование, усиливаемое музыкой вальса, окутывало их почти зримо, струилось за ними по залу, как сияющий шлейф, и друзья-гусары, которых Лев привел на бал, уговорив потанцевать с его невестой, теперь с изумлением взирали на этих двоих, которые буквально только что были друг к другу совершенно равнодушны и даже неприязненны, а сейчас от них исходило нечто эфемерное, но в то же время осязаемое, нечто незримое, но в то же время видимое всем, нечто необъяснимое, однако внушающее восторг и смутную зависть каждому, кого задевало хотя бы

вихрем того упоения, в котором кружились они.

Опускаясь перед Аглаей в *genuflexion*³⁴, а потом поднимаясь, Лев вдруг крепче прижал к себе девушку, и губы его, не прикрытые маской, скользнули по ее губам.

Все вокруг затянулось томной, сладостной тьмой! Аглая на миг словно бы лишилась чувств и вернулась в реальный мир, только когда вальс кончился. Они со Львом оба замерли, не размыкая объятий, не расцепляя рук, не отводя друг от друга глаз, но гомон голосов, сменивший музыку, видимо, отрезвил Льва, потому что он тихо сказал:

– Наталья Михайловна... я не знал...

– Чего вы не знали? – пробормотала Аглая, но тут же спохватилась: а вдруг Лев поймет по голосу, что это не Наташа?! Вдруг потребует снять маску или сам сорвет ее?

От испуга она вмиг потерялась, рванулась было прочь, однако Лев не отпустил ее руку, а губы его, только что вздрагивающие в счастливой, бессознательной улыбке, губы, только что мимолетно поцеловавшие ее, крепко сжались, словно в гнев или обиде.

– Нам надо поговорить, – процедил Лев. – Отойдемте вон туда.

Он мотнул головой в сторону окна и повел туда Аглаю. Та шла, не чуя ног, борясь с головокружением и понимая только одно: волшебство вальса кончилось, а что ее ждет теперь –

---

³⁴ Коленопреклонение – одна из фигур вальса, котильона и мазурки, когда кавалер опускается на одно колено, а партнерша обегает его по кругу (*франц.*).

неведомо!

– Понимаю, что это неловко и, может быть, неприлично, – сказал Лев, когда они остановились, – однако разговор чрезвычайно важный. Поначалу я не собирался говорить с вами касательно этой ситуации, но теперь... Как вы полагаете, если рядом с нами будет стоять, к примеру, Шацкий, этого окажется достаточно для соблюдения всех условностей? Я не могу позвать вашу тетушку, потому что разговор касается только вас. Вернее, вас и господина Пущина, который... которого вы... которого вы дарите своим расположением. – Голос его вдруг дрогнул, однако тотчас снова стал спокойным до холодности: – Так могу я позвать корнета? Он осведомлен о том, что натворил Пушин, но будет молчать об этом. Вы превратили его в самого жаркого своего поклонника! Кроме того, это человек чести, несмотря на свое простодушие, можете мне поверить.

– Извольте, – пробормотала Аглая, и Лев сделал знак Шацкому.

Вася вмиг оказался рядом. Сразу было видно, что ему страшно неловко. Его лоб и подбородок, не прикрытые маской, горели огнем, и даже блеск шнуров доломана, казалось, потускнел от смущения.

– Простите, сударыня, – пробормотал Вася и отвернулся, изо всех сил изображая полное равнодушие к их разговору.

Лев посмотрел в глаза Аглаи, и она вздрогнула от страха, таким неприязненным сделался его взгляд. После некоторо-

го молчания Каменский заговорил – медленно, как бы через силу:

– Вы должны знать, Наталья Михайловна, что числите среди своих друзей человека бесчестного. Впрочем, я объяснюсь, чтобы не быть голословным. Филипп Пущин был секундантом на дуэли одного господина... назовем его NN, некогда нашего сослуживца и друга, который ушел в отставку, женившись. К несчастью, его жена умерла при... – Лев слегка запнулся и закончил сдержанно: – при родах.

Аглая на миг потупилась – о таких вещах мужчины не должны упоминать в беседах с невинными девушками, это неприлично! – однако тотчас заставила себя забыть, что непременно должна смущаться. То, о чем говорил Лев, касалось судьбы Наташи, а значит, было очень важным, и Аглае надо было слушать как можно внимательней, а не охать и не пищать, изображая застенчивость, которой она, кстати, совершенно не чувствовала.

– Некий мерзкий тип из числа прибывших в Санкт-Петербург вместе с Лоринстоном³⁵ позволил себе непристойное высказывание относительно своего знакомства с покойной супругой NN, когда она, еще в девушках, побывала с родителями во Франции. Разумеется, NN как человек чести вызвал его! Филипп Пущин шапочно знаком с одним родственником NN, тоже человеком военным, однако недавно раз... –

---

³⁵ Маркиз де Лоринстон – в 1811–1812 гг. французский посланник в Санкт-Петербурге.

Каменский запнулся было, но тут же выправился, – недавно покинувшего службу. В то время, о котором идет речь, Пущин находился в Санкт-Петербурге по служебным делам. NN, сделавшись статским человеком, не хотел приглашать секундантами никого из своих прежних друзей-офицеров, опасаясь, что навлечет на нас служебные неприятности. Мы даже не были осведомлены о готовящейся дуэли и узнали о ней, к несчастью, слишком поздно. NN позвал в секунданты уже упомянутого своего родственника, раз... – Лев снова запнулся, – я хотел сказать, вышедшего в отставку, и его знакомого, Пущина, с которым они как раз случайно встретились в одной кофейне на Невском. NN был так разъярен проступком француза, что не особенно задумывался о том, кого он зовет в секунданты. Пущин и родственник NN дали согласие. И вот настал час дуэли. NN защитил свою честь и честь своей супруги, убив противника, однако сам был смертельно ранен. Его друзей по гусарскому полку и секундантов призвали к его одру проститься. NN роздал нам кое-какие свои вещи как прощальные дары, в том числе распределил между нами некоторые свои драгоценности. Пущину был завещан прекрасный перстень с бриллиантом и сапфирами из числа украшений, некогда принадлежавших покойной супруге NN. Думаю, это произошло случайно, NN был уже в полубреду, когда раздавал свои вещи, иначе не завещал бы столь ценную реликвию почти незнакомому человеку, но это неважно! Главное, что Пущин принял этот перстень из

рук умирающего. Понимаете ли вы, Наталья Михайловна, что предсмертный подарок священен для каждого благородного человека? – спросил Лев, и Аглая кивнула, правда, с некоторым опозданием, ибо, увлеченная этой историей, не сразу вспомнила, что Наталья Михайловна – это она.

– Надеюсь, что понимаете! – воскликнул Лев. – Тем легче будет вам осудить то, что произошло затем. Поскольку близкие друзья NN видели, как он самолично передал вышеописанный перстень Пущину, мы были немало изумлены, когда, прибыв в Москву в лагерь, вскоре увидели этот перстень на руке некоей... – Лев смущенно кашлянул, – некоей особы, которая... э-э... дружна со многими господами, как военными, так и статскими. Разумеется, она... э-э... не принадлежит к числу тех, кого эти господа позвали бы в свой дом и кого представили своим женам или невестам. Не знаю, понимаете ли вы меня...

– Видимо, это кто-то вроде той особы, с которой вы танцевали так долго? – выпалила Аглая – и тут уже прикусила язык, сама испугавшись своих слов.

Лев откровенно остолбенел:

– Я не предполагал, что вы... откуда вам может быть известна эта особа и ее репутация?!

Аглае послышалось или в самом деле с той стороны, где стоял Вася Шацкий, донеслось что-то вроде испуганного стоны?

– Когда я удалилась... э-э... немного передохнуть, –

уклончиво объяснила Аглая, – я слышала, как ее обсуждали две дамы.

Конечно, ей не хотелось врать Льву, однако не выдавать же болтливого корнета!

– Значит, ее узнали, – сконфуженно пробормотал Каменский. – Ну что ж, этого следовало ожидать. Это актриса Французского театра, она известна под именем Розали. Да, это и есть та самая особа, которой сделал столь бесстыдный подарок господин Пущин в обмен на... некоторые ее услуги самого неприличного свойства. Прошу меня извинить, однако я вынужден упомянуть об этом, чтобы глубина падения этого господина открылась вам во всей своей красе, вернее, во всей своей омерзительности. Можете не сомневаться в моих словах: Розали сама рассказала мне обо всем, что было между ними. Вас, наверное, удивит, как она попала на этот бал – со своей-то репутацией? Разумеется, сия, с позволения сказать, дама никак не могла оказаться в числе приглашенных. Но признаюсь честно: билет для нее раздобыл я. Это было одним из тех условий, которые выставила она, взамен обещая рассказать откровенно, каким образом к ней попало кольцо NN. Тут-то Розали и сообщила, как и когда кольцо было ей подарено Пущиным. Мы предполагали это, но теперь знаем наверняка! Вторым условием Розали было мое обещание танцевать только с ней, хотя я должен был танцевать с вами. Простите меня, Наталья Михайловна. Вы видели, что я нарушил данное ей слово, лишь только она куда-то

исчезла. Но когда Розали появится вновь, я, к сожалению, должен буду вновь выполнять свое обещание.

– Она не появится, – выпалила Аглая – и снова прикусила свой неосторожный язычок, однако было уже поздно.

– Откуда вы знаете? – изумился Лев.

– Я... я случайно видела, как она... она... – залепетала Аглая. – Мне кажется, с ее домино произошла некая неприятность... вроде бы она облилась водой и сильно промокла...

– Ну что ж, прекрасно, если так, – с откровенным облегчением усмехнулся Лев. – Желаю ее домино сохнуть как можно дольше! В таком случае я могу еще раз пригласить вас на тур вальса. Прошу прощения за то, что вынужден был открыть вам глаза на неблагоприятные деяния Пущина. Мне хочется верить, что ваши чувства еще не столь глубоки, что мое предупреждение последовало вовремя, и у меня есть...

В это мгновение раздался бой часов.

Аглая резко повернулась к напольным часам в виде дворца, стоявшим под хорами и составлявшим одно из украшений бального зала, потому что были изготовлены самим знаменитым Бреге³⁶. Они отбивали время ежечасно, однако Аглая почему-то раньше не слышала их! Почему? Да потому что забыла обо всем на свете! И прежде всего о том, что ко-

---

³⁶ Абрахам Луи Бреге (1747–1823) – знаменитый французский часовщик, изобретатель, в числе прочего, часов с репетиром, то есть с боем, поставщик многих знатных фамилий и даже королевских дворов. В Санкт-Петербурге в 1808 г. был открыт «Торговый дом Brequet», после чего стало хорошим тоном иметь часы этой марки, как карманные, так настольные и напольные.

гда-нибудь настанет время возвращаться домой.

Вот оно и настало!

Боже мой... за окнами темно, Наташа наверняка уже воротилась! Удалось ли ей пробраться незамеченной в комнату Аглаи и притвориться спящей? Или она была кем-нибудь из домашних перехвачена, ее вынудили заговорить – и все открылось?!

Но больше всего Аглаю волновали размышления о том, что произошло за это время между Филиппом и Наташей. Отчего только сейчас она забеспокоилась о том, что ее подруга, безумно влюбленная, может совершенно подпасть под власть Филиппа... и подчиниться этой власти? И вновь откуда-то словно бы выглянул тонкий лик господина Карамзина, а его мудрый голос произнес: «Исполнение всех желаний есть самое опасное искушение любви».

Ах боже мой! Что, если Наташа исполнила *все* желания Филиппа? Было известно, что военные рассматривали победы над женскими сердцами как взятие неприятельской крепости, а неудачи на любовном фронте воспринимали как «потерю сражения». Правда, Филипп не военный, но не то ли самое можно сказать обо всех мужчинах?!

Нет, надо немедленно уезжать! Найти Зинаиду Михайловну и прохрипеть (неприменно прохрипеть, чтобы та не удивилась изменившемуся голосу племянницы!), что ей дурно, что нужно как можно скорей отправляться домой!

– Прошу вас танцевать со мной, Наталья Михайловна! –

будто сквозь пелену донесся до Аглаи голос Льва, и ей почудилось, что в нем звучат молящие нотки.

Боже мой, как хотелось снова броситься в его объятия, снова отдаться головокружительному вихрю музыки, снова смотреть в его глаза и видеть в них то, что он старался, но не мог скрыть, а потом, когда снова настанет момент *génuflexion*, быть может, снова ощутить его губы на своих губах!

Но тревога за Наташу уже не давала покоя. Аглая знала, что не сможет забыть о подруге, которую необходимо срочно предупредить о том, что ее возлюбленный – человек бесчестный, а значит, Наташа не может и не должна ему доверять. Аглаю пробрала дрожь при мысли о том, что безудержно влюбленная Наташа проводит с Пушиным уже три часа наедине... мысль о том, что мог сделать с Наташей этот насквозь бесчестный человек, заставила Аглаю вскрикнуть, вырвать руку из пальцев Льва – и кинуться в малую залу, где ее должна была поджидать госпожа Метлицына.

Зинаида Михайловна восседала за карточным столом с двумя какими-то почтенными дамами, то и дело клюя носом – к вящему неудовольствию своих партнерш, которые никак не могли понять логики ее ходов, вступавших, видимо, в полное противоречие с правилами игры.

– Что же вы такое делаете, Зинаида Михайловна! – наконец воскликнула одна из них возмущенно. – Отчего вы сно-

ва сдаете, если вытянули туз?! Неужели забыли, что в «мушке»³⁷ первым сдает тот, у кого младшая карта? У меня шестерка, значит, мой черед!

– Да что вы говорите, Прасковья Петровна? – вяло изумилась Зинаида Михайловна, делая знак лакею, появившемуся с подносом, уставленным наполненными рюмочками – судя по насыщенному, яркому цвету напитка, с вишнебочкой или смородиновкой. – А разве мы играем в «мушку»?

– Боже мой, Наташенька! – воскликнула Прасковья Петровна, радостно уставившись на вбежавшую Аглаю. – Не пора ли вашей тетушке домой?

И она многозначительно указала глазами на десяток пустых рюмочек, которые собирал со стола второй лакей.

– Пора! – прохрипела Аглая и старательно закашлялась. – Я заболела! Нужно немедленно уезжать!

Однако немедленно не получилось. Пока удалось вытащить из кресел разомлевшую Зинаиду Михайловну, пока посланный лакей добежал до кареты Игнатьевых, ожидавшей за воротами, пока разбудил кучера, который храпел на господском сиденье, пока вернулся за дамами, Зинаида Михайловна успела вздремнуть и снова проснуться. Аглая же сидела как на иголках, опасаясь, что здесь может появиться Лев – и в то же время надеясь на это всем сердцем... всем своим глупым сердцем!

Однако он так и не появился, и в конце концов Аглая, под-

---

³⁷ Карточная игра, популярная в описываемое время, особенно среди дам.

держивая клюющую носом госпожу Метлицыну, довела ее до кареты и уселась рядом с ней, считая минуты до возвращения.

Аглая выскочила у ворот дома Игнатьевых и своим хриплым, неузнаваемым голосом велела кучеру отвезти уснувшую Зинаиду Михайловну домой, да ехать побережней, чтобы почтенная дама не соскользнула с сиденья и не свалилась под него. А потом, слегка кивнув привратнику, который зевая открыл ей калитку, подобрала подол домино и побежала к дому, то и дело охая, потому что камушки, которыми была посыпана подъездная дорожка, больно вонзались в ее ступни сквозь тонкие подметки бальных туфель. Ах, ей так и не удалось истанцевать их до дыр!

Граф Михаил Михайлович, похоже, до сих пор дулся на дочь, поэтому, вопреки своему обычаю полуночничать, рано улегся спать: ни в окне его кабинета, ни в окне его спальни не было заметно даже промеллька света. Дома ли Илья Капитонов, Аглая не знала, потому что его окошко выходило на другую сторону. А вот судя по мельканию тени на занавеске, закрывавшей окно Видаля, гувернер был дома и вышагивал туда-сюда, то ли обеспокоенный чем-то, то ли просто-напросто обдумывая завтрашний урок с Алёшенькой.

Аглая скорчила в ту сторону неприязненную гримасу и подняла голову. В Наташином окошке было темно, а в соседнем слабенько мерцал огонек свечи.

Это комната Аглаи. Значит, Наташа там!

Девушка обежала дом, поднялась с черного крыльца и открыла дверь. Она знала, что в парадном вестибюле ее должен поджидать лакей Евстафий, который заодно исполнял обязанности швейцара, ежели господа изволивали возвращаться поздно. Евстафий был чрезвычайно болтлив, от него двумя словами не отделаешься, к тому же он знал Наташу с детских лет и был весьма востер: его даже хриплым голосом не обманешь, он вмиг подмену распознает! Именно поэтому Аглая побежала к черному ходу и облегченно вздохнула, увидав там Дроню, который в ответ на ее взволнованное: «Она уже вернулась?» – многозначительно кивнул.

– Дронюшка, милый, спасибо, – пробормотала Аглая и побежала по черной лестнице, обмирая при всяком скрипе ступеньки.

Но вот наконец поднялась, вот добежала на цыпочках до своей двери и тихонько приотворила ее. На миг даже испугалась, увидав, что она, она сама – в своем платье, по-прежнему принакрытая большим платком – лежит на кровати, уткнувшись в подушку, – но тут же наваждение минуло, Аглая вспомнила, что это Наташа лежит, переодетая в ее платье, с ее платком на плечах, – и переступила порог. Задвинула щеколду, чтобы не принесло какую-нибудь не в меру ретивую горничную, – и подошла к кровати, положила руку на плечо подруги – осторожно, чтобы не напугать, если уснула: – Наташенька...

Девушка не шевельнулась, однако плечо ее под рукой

Аглаи вздрагивало. Да она не спит – она плачет, вся трясется от рыданий!

У Аглаи ноги подогнулись от страха, она еле сдержалась, чтобы не крикнуть испуганно, а прошептать:

– Что стряслось?!

Наташа резко села на кровати, и огонек свечи отразился в ее глазах, полных слез:

– Филиппа завтра убьют!

Глава шестая

Ночное путешествие

Тьма стояла кромешная, а фонари не горели. Аглая с тоской взглянула в небо, затянутое тучами. Наверное, по распорядку должна была светить луна, а стало быть, фонари зажигать надобности не имелось. Недавно кто-то из слуг, отправленных в полицейский участок на порку, рассказал, воюрясь, что в участке висит аккуратно написанный регламент лунных ночей. То же развешено и по всем другим городским участкам. Луне следовало светить двенадцать раз в месяц. Эти сведения доводили до сведения всех фонарщиков, тудившихся на участке.

Работа у них непростая! Это подойди к каждому фонарному столбу, приставь лесенку, влезь на нее, открой стеклянный колпак, подожги фитилек, плавающий в конопляном масле, потом закрой колпак, спустись с лесенки и тащись дальше, к следующему фонарю. При этом волоки на себе тяжеленькую деревянную лесенку, жестянку с гарным маслом, жестяную же воронку и ковшик – чтобы масло в воронку наливать, – масляный насос, множество тряпок да ершиков: стекла фонарные протирать и прочищать светильню, – а также небольшой деревянный ручной фонарь.

Зачем фонарщику фонарь? Да ведь участок длиной верст

в шесть, и на нем стоит полторы сотни столбов. Пока дойдешь от горящего до еще не зажженного, небось заблудишься в темноте! Освещались только тротуары, а для мостовой хватало и каретных фонарей.

Впрочем, «освещались тротуары» – это только звучало роскошно, а на деле фонарь озарял всего-то круг в аршин.

Выходили работать фонарщики в сумерки, когда на пожарной каланче вывешивался красный фонарь, означающий, что пора освещать Москву, – и доходили до последнего столба на своем участке чуть ли не к утру, когда начало светать и наступало время гасить огни. Поэтому фонарщик почти без отдыха пускался в обратный путь, чтобы вновь приставить к столбу лесенку, снять колпак, погасить горящий фитиль, закрыть колпак, взвалить лесенку на плечо и отправиться дальше.

Понятно, что фонарщики очень любили лунные ночи, ведь в такую пору тратить гарное масло и зажигать фонари было не обязательно! Лежи на печи, ешь калачи, а гарным маслом кашу заправляй!

Если небо затягивали густые тучи, никто и в ус не дул. Регламент есть регламент! Положено луне светить – значит, свети, а коли не светит и кругом темнотища – ну так виноватить следует тех ученых людей, которые распорядок лунных ночей составляли да промашку дали.

Аглае еще повезло: нынче луна хоть изредка, да выглядывала из-за облаков, помогая не заплутать в переплетении

проулочков, которыми она решила пробежать, чтобы сократить путь.

– Дура я дурища, – проворчала девушка почти в отчаянии, в очередной раз сбиваясь с дороги и пытаясь понять, где находится. – Не зря говорят: старая дорога короче двух новых!

Не близко от Пречистенки до Ильинки, если идти привычным путем: по Баряшинскому переулку мимо Спаса Нерукотворного на Божедомке, потом по Гагаринскому, свернуть на Юшковский, мимо Афанасия и Кирилы на Сивцевом Вражке, по Афанасьевскому, а уж там по улицам Знаменской и Моховой к Николаю Чудотворцу на Сапожках и по Никитской к Ильинке. Далековато! Утром Аглая попросила бы какую-нибудь повозку, да нельзя ждать до утра. А ездить на ямских лошадях дамам любого общественного положения считалось за стыд, разве что в Ряды³⁸. Но Аглая направлялась среди ночи ни в какие не в Ряды, да и где в такую пору отыщешь наемную карету?! Поэтому, чтобы сократить дорогу, она и пустилась даже не переулками, а проулочками – тропками, которые проложили прохожие, норовившие всякую длинную дорогу сделать короткой. А все эти проулки словно писаны причудливыми каракулями – ни одного прямого нет. Они то сужались, то расширялись, то внезапно превращались в тупики.

За заборами порою взбредивали разбуженные собаки, но, на счастье, и улицы, и переулки, и проулочки были пу-

---

³⁸ Многочисленные лавки и магазинчики в Китай-городе.

сты. Аглае везло, хотя ночами, всем известно, шлялись по Москве всякие рожи, которые, случалось, пограблевали. А ведь случись что, будочника³⁹ не дозовешься, хотя ему полагалось по ночам стоять на часах возле своей будки – каменного круглого строения, напоминающего обрубленную сверху башню, покрашенную зеленовато-желтой краской (злоречивые мальчишки именовали эти будки «чижовками», потому что чижики были точь-в-точь такой расцветки), – и, заведя приближающегося человека, грозно вопрошать: «Кто идет?» На сей вопрос обыкновенному москвичу следовало отвечать: «Обыватель», а военному: «Солдат». Если правильного ответа не следовало или прохожий вообще предпочитал отмолчаться, будочнику полагалось подозрительного субъекта задержать. Однако несколько минут назад Аглая пробегала мимо будки, стоявшей чуть ли не вплотную к подворью Игнатьевых, а стража на месте не было, и в крохотном окошке не мерцала свечечка. Будочник, конечно, спал. Тогда это было на руку Аглае – ей меньше всего хотелось, чтобы ее уход из дому был замечен, – однако сейчас, почти в полной темноте, становилось иногда страшновато. Но и в мыслях не возникало вернуться – главной заботой стало ноги не переломать в колдобинах дороги. Тротуары представляли собой деревянные мостки, в которых доски по большей части были треснуты и проваливались, так что поранить но-

---

³⁹ Низший полицейский чин в описываемое время. Для несения службы и жилья ему была выделена особая будка, отсюда и название должности.

гу или вовсе сломать ее оказывалось очень даже легко, особенно в темноте. Однако и по мостовым не больно-то разбежишься, настолько скверным качеством они отличались. Аглая не знала, досужая это байка или истинная правда, однако ходили слухи, будто заезжие иностранцы спрашивали у москвичей, почему на мостовых кладут камни острием вверх. Они были уверены, что это делается нарочно, вот только не понимали, для чего!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.